

Восток — Запад

А.В. Шапошникова

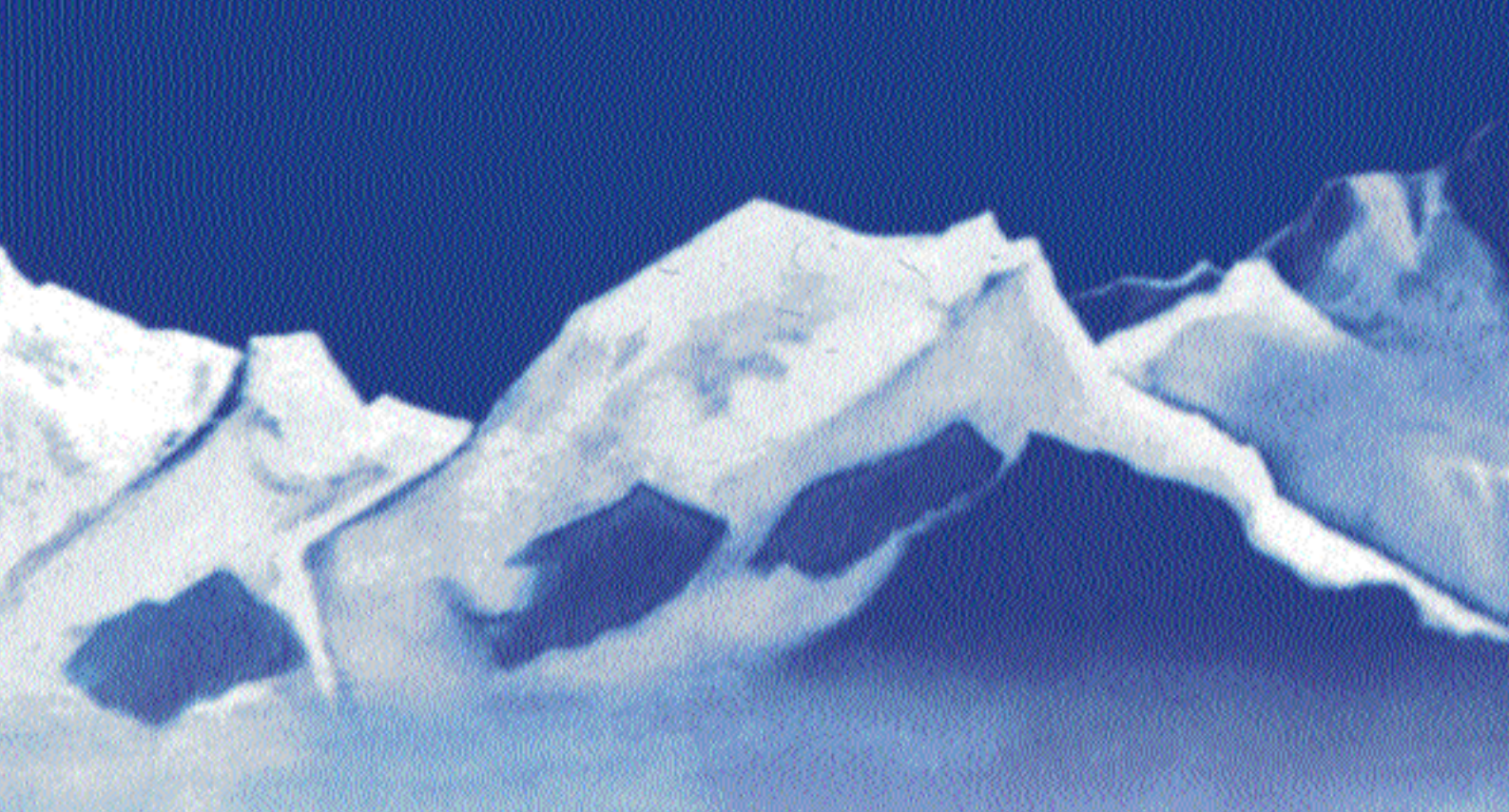
МАГИЧЕСКИЙ МОСТ СИНТЕЗА

Я добирался до Индии и Китая не кораблем и не поездом, туда нужно было искать магические мосты. Следовало покончить с желанием освободиться там от Европы, в мою душу и в мой ум должны были войти настоящая Европа и настоящий Восток, и для этого потребовались годы — годы страдания, годы смятения, годы войны, годы отчаяния.

Герман Гессе

Получилось так, что восход и заход солнца разделил нашу планету на Восток и Запад. И, возможно, это деление так бы и осталось чисто пространственным, если бы само Солнце, его восход и заход, его взаимодействие с планетой Земля, с человеком, населяющим эту планету, и со всем тем, что есть на ней, не представляло бы собой самый сложный энергетический процесс, связанный с формами проявленной материи, с одухотворенной структурой самого Космоса и теми эволюционными движениями, которые бесконечно идут в Пространстве и Времени этого Космоса.

Проблема «Восток—Запад» во всех ее аспектах — одно из проявлений этого процесса. Можно утверждать, что по крайней мере последние три тысячи лет, а

может быть, и даже больше эта проблема постоянно находилась в поле зрения мысли и практической деятельности человечества и была связана с самыми разными явлениями культурно-исторического развития, начиная с тончайших духовных моментов, уходящих своими корнями в глубокую древность, и кончая идеологическим феноменом колониальной экспансии.

XIX—XX вв. дали нам целый спектр взглядов и подходов к этой проблеме. Были сторонники культурного сближения Востока и Запада, были и те, которые исключали такое сближение, и те, кто настаивал на безоговорочном преимуществе Запада над Востоком, субъективно и тенденциозно оценивая достижения культуры последнего и неверно осмысливая их эволюционное значение.

В различных спорах и рассуждениях о преимуществах или недостатках той или иной части планеты основная мысль, как стрелка компаса к магнитному полюсу, поворачивалась туда, где в пространстве средостения Востока и Запада лежала огромная страна, для которой проблема «Восток—Запад» имела судьбоносный смысл, тесно связанный с

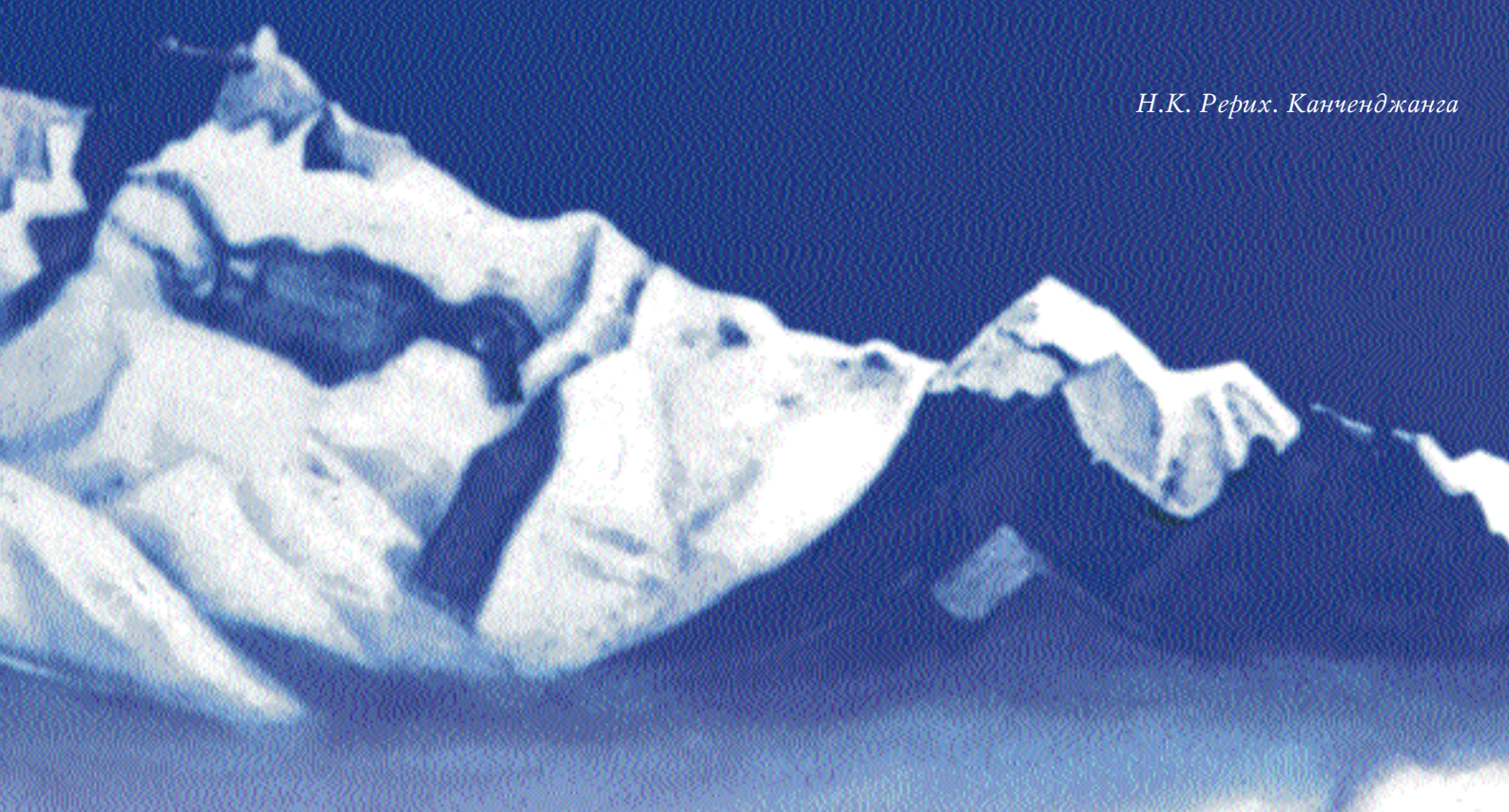
ее будущим. Страна называлась — Россия. И именно в ней, начиная с XIX века, возник устойчивый интерес к Востоку прежде всего в среде творческой интеллигенции, которая почему-то отдавала предпочтение Индии и Китаю, что потом нашло свое отражение и в самом русском востоковедении.

Именно в атмосфере этого интереса, опиравшегося на энергетическое поле «восточно-западной» русской культуры, смог появиться, сложиться и развиваться в фигуру планетарного масштаба такой мыслитель и художник, каким был Николай Константинович Рерих. Ощувив проблему «Восток—Запад» вначале глубоко внутренне, он затем практически и жизненно соприкоснулся с ней. Это дало ему возможность увидеть энергетику самого явления, его эволюционную сущность и направление его синтеза, смысл которого составляло единство многообразия. Я не могу не привести высказывания одного из удивительных людей нашего века — писателя Германа Гессе, мысли и подходы которого во многом созвучны рериховским. «Единство, которое я чту за этим многообразием, — не скучное, серое, умозрительное,

теоретическое единство. Оно есть сама жизнь, полная игры, боли и смеха. Оно изображено в танце бога Шивы, который, танцуя, вдребезги разносит мир, да и во многих других картинах: оно не чуждается никаких изображений, никаких сравнений. Ты можешь в любое время вступить в него, оно принадлежит тебе с того мгновения, как ты отказался от времени и пространства, знания и незнания, как ты вышел из круга условностей, как ты в любви и служении стал принадлежать всем богам, всем людям, всем мирам, всем эпохам»¹.

И это «в любви и служении», знаменующее собой истинное единство, мы ощущаем в работах Н.К. Рериха, В.И. Вернадского, Тейяра де Шардена и непревзойденного Нильса Бора, создателя теории атомной физики. XX век выдвинул целую плеяду блестящих ученых и мыслителей, которые высоко подняли планку проблемы «Восток—Запад», придав ей ярко выраженный эволюционный характер. Один из выдающихся и глубоких русских мыслителей XIX века П.Я. Чаадаев писал: «Мир искони делился на две части — Восток и Запад. Это не только географическое деле-

¹ Восток—Запад. М., 1982. С. 217.

ние, но также и порядок вещей, обусловленный самой природой разумного существа: это — два принципа, соответствующие двум динамическим силам природы, две идеи, обнимающие весь жизненный строй человеческого рода. Сосредоточиваясь, углубляясь, замыкаясь в самом себе, создавался человеческий ум на Востоке; раскидываясь вовне, излучаясь во все стороны, борясь со всеми препятствиями, развивается он на Западе. По этим первоначальным данным естественно сложилось общество. На Востоке мысль, углубившись в самое себя, уйдя в тишину, скрывшись в пустыню, предоставила общественной власти распоряжение всеми благами земли; на Западе идея, всюду кидаясь, вступаясь за все нужды человека, алкая счастья во всех его видах, основала власть на принципе права; тем не менее и в той, и в другой сфере жизнь была сильна и плодотворна; там и здесь человеческий разум не имел недостатка в высоких вдохновениях, глубоких мыслях и возвышенных созданиях. Первым выступил Восток и излил на землю потоки света из глубины своего уединенного созерцания; затем пришел

Запад со своей всеобъемлющей деятельностью, своим живым словом и всемогущим анализом, овладел его трудами, кончил начатое Востоком и, наконец, поглотил его в своем широком объёме»².

Не все сказанное в этом фрагменте можно принять. У самого Чаадаева не было на этот предмет устойчивых взглядов. Его знание Востока было неглубоким, книжным, кабинетным, в нем отсутствовал его собственный практический опыт. В своей культурно-социальной ориентации он стоял ближе к российским западникам, нежели к славянофилам, что также влияло на его восприятие европейских ценностей.

Однако ему были свойственны удивительные догадки ума глубокого и проницательного. Мысль о том, что Восток и Запад не только географическое деление, а «два принципа, соответствующие двум динамическим силам природы», как бы предвещает эволюционный взгляд Николая Константиновича Рериха на это явление, связанный с энергетическим мировоззрением учения Живой Этики.

Рерих решает проблему «Восток—Запад» на уровне взаимодействия объективного и субъективного, находя в этом взаимодействии удивительную меру, которая высвечивала проблему во всей ее целостности и в то же время во всех аспектах этого объективного и субъективного. «Идея Востока и Запада — идея близнецов, которые никогда не встретятся, — писал он в очерке «Радость творчества», — для нашего ума уже застывшая идея. Мы уже не должны верить в то, что искусственные стены могут разделять лучшие импульсы человечества, импульсы творческой эволюции. И теперь перед нашими глазами стоит так называемый Запад и так называемый Восток. Они смотрят проницательно друг на друга. Они проверяют каждое движение друг друга. Они могут быть ближайшими друзьями и сотрудниками»³.

В конечном счете, те «искусственные стены», о которых пишет Николай Константинович, являются созданием человеческого ума и результатом определенного уровня сознания. Выработанные веками сумеречного существования стереотипы «свой —

² Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 145.

³ Рерих Н. К. Восток—Запад. М., 1994. С. 67.

Н.К. Рерих. Весть Шамбалы

чужой», «близкий — далекий», «моя страна — чужая страна», «Европа—Азия» и, наконец, «Восток—Запад» все еще мешают человечеству ощутить единство своего бытийного существования с космическим житием.

Осмыслить явление «Восток—Запад» невозможно без таких противоположений, как дух и материя, женское и мужское начала, культура и цивилизация. Понимание взаимодействия этих противоположений, их гармонии и тесной связи ведет к пониманию реалий самой проблемы. Дух и материя, универсальные или космические противоположения есть основа любого явления земного плана, в том числе такого, как «Восток—Запад». Согласно

Живой Этике, которая составляет основу мировоззрения Н.К. Рериха, дух — это прежде всего энергия, так же, как и материя. В мироздании не существует ничего, кроме энергии. На разных энергетических уровнях противоположение дух — материя ведет себя по-разному.

На высоком уровне дух-материя представляются единым синтетическим явлением. На более низких ступенях эволюции, там, где высока степень дифференциации, дух и материя различаются. Энергия материи не столь тонка, изысканна и не обладает той высокой вибрационностью, которая присуща духу. Однако взаимодействие духа и материи в ходе эволюции при-

водит последнюю к трансмутации, ее одухотворению, к синтетичности ее изменений. Энергетический потенциал материи зависит от уровня синтеза, в который она вовлечена. «Форма жизни, — писал Рерих, — есть синтез эволюции»⁴.

Существование противоположения «Восток—Запад» есть одна из форм бытия нашей Планеты, нашего человечества, со всеми присущими закономерностями данного конкретного состояния духа — материи.

В силу ряда особенностей культурно-исторического процесса именно на Востоке дух представляет главную тенденцию в развитии, в то время как на Западе таковой тенденцией

⁴ Рерих Н.К. Восток—Запад. М., 1994. С. 69.

является материя. Один из крупнейших русских востоковедов С. Ф. Ольденбург писал, что Восток «мощью ума своего проникнул в тайны жизни, изучал и создавал понимание того, что ближе всего человеку — самого человека. И тут мы видим на каждом шагу, как ничтожны наши достижения в этой важнейшей для нас области, мы чувствуем постоянно, что Восток здесь во многом сумел подойти ближе к человеку, понять его духовное творчество лучше, чем это делаем мы»⁵.

И еще: «Гордые своими точными знаниями, мнящие себя первыми в мире, европейцы, столкнувшись ближе путем науки с Востоком, поняли, что справедливо было это старинное чувство очарования восточным миром, что мудрость и красота его нужны нашей жизни, которая станет беднее без них. Европейцы поняли, что только Восток показал полностью духовную мощь человека, громадную непосредственную силу его мысли и чувства, которая была так велика и безмогучего оружия знания»⁶.

В Живой Этике мы читаем: «Нет ворот на Востоке, на которых бы не было начертано Имя Высшего Познаваемого. Поистине, не войти в область Востока без знания. Не забудем, что на камнях Восток писал свои утверждения»⁷.

Последняя фраза этого фрагмента является как бы ключом к отгадке, почему именно дух, более высокая с точки зрения энергетической и эволюционной категория, стал господствующей тенденцией в развитии Востока. «... На камнях Восток писал свои утверждения» — свидетельство большей древности его культуры, нежели западной. Этому моменту Николай Кон-

стантинович придавал огромное значение, ибо за многие тысячелетия своей эволюции Восток «наработал» немало и одухотворил материю своего опыта и своего бытия в большей степени, чем Запад. И если мерить наработки Востока критериями миров иных измерений, то можно сказать, что элементы четвертого измерения, развитие которых связано с духовными структурами, мы ощущаем на Востоке больше, нежели на Западе. В очерке «Радость творчества» Рерих писал: «на местах самых древних достижений растут новые цветы человеческих знаний... Эти эманации культуры удобряют почву и, кто знает, вероятно, они обеспечат реальный подъем конструктивного духа»⁸.

Эта мысль легла в основу концептуальных исследований Рериха на маршруте Центрально-Азиатской экспедиции, которые убедили его в том, что ничто не рождается на пустом месте. Только энергетическое поле древней культуры обеспечивает расцвет будущей культуры и цивилизации. Так сложилось на нашей планете, что самые древние и насыщенные энергетические поля культуры образовались в пространстве Востока, усилив его духовный потенциал. Они же стали и ручательством будущего расцвета его культур, о котором не устают говорить Николай Константинович. Он пишет о глубокой древности азиатской культуры, о тех сложных исторических процессах, которые шли на пространствах этого континента. Он утверждает, что район, расположенный у великого гималайского восьмитысячника — Канченджанги, был прародиной новой индоевропейской общности народов и оттуда началось

их великое переселение. Он убежден, что Азия была колыбелью народов. «Когда вы в Азии, — писал он, — вы можете видеть вокруг себя многое замечательное, что в условиях колыбели народов совершенно не кажется сверхъестественным. Вы легко встречаетесь с великими проблемами, заключенными в прекрасные символы»⁹.

Из Азии, от Востока начались все духовные движения и учения. Там же находится духовно-энергетический полюс Планеты — Гималаи.

Культура и цивилизация — еще одна пара противоположных, теснейшим образом связанная с феноменом «Восток—Запад» и помогающая нам объяснить, что в действительности объединяет и разъединяет Восток и Запад.

Культура есть явление духовного плана, она соединена с внутренним развитием человека, с его эволюционным восхождением, цивилизация же, будучи явлением внешнего порядка, обуславливает материальное устройство жизни человека. В ряду культурно-исторических обстоятельств в более древнем пространстве Востока господствующее положение сохранила духовная культура, в пространстве же Запада победила материальная цивилизация.

«Старая Европа изменила своему прошлому, отреклась от него. Безрелигиозная мещанская цивилизация победила в ней старую священную культуру. Борьба России и Европы, Востока и Запада представлялась борьбой духа с бездушием, религиозной культуры с безрелигиозной цивилизацией»¹⁰, — писал Бердяев.

Именно эта борьба, эта дифференциация лишней раз высвечивает эволюционную роль

⁵ Восток—Запад. М., 1982. С. 7.

⁶ Там же. С. 7—8.

⁷ Агни Йога, 58.

⁸ Рерих Н. К. Восток—Запад. М., 1994. С. 69.

⁹ Там же. С. 78.

¹⁰ Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990. С. 162.

культуры и обреченность цивилизации, лишенной энергетической подпитки поля культуры. «В цивилизации иссякает духовная энергия, угасает дух — источник культуры»¹¹.

В своем уникальном диалоге «Шамбала Сияющая» Николай Константинович дает яркое и образное представление о разнице между культурой Востока и цивилизацией Запада. «Вы, жители Запада, — говорит Лама, — мечтаете достичь Эвереста в своих тяжелых ботинках, но мы поднимаемся на те же высоты и даже на более высокие вершины без всякого труда. Необходимо только думать, изучать, понимать и знать, как охватить сознанием весь опыт тонкого

тела. Все было указано в Калачакре, но только немногие

постигли это¹². Вы, на Западе, с помощью своих ограниченных аппаратов можете слышать звуки на большом расстоянии, вы можете даже ловить космические звуки. Но задолго до этого Миларепа, без всякого аппарата, мог слышать высшие голоса»¹³.

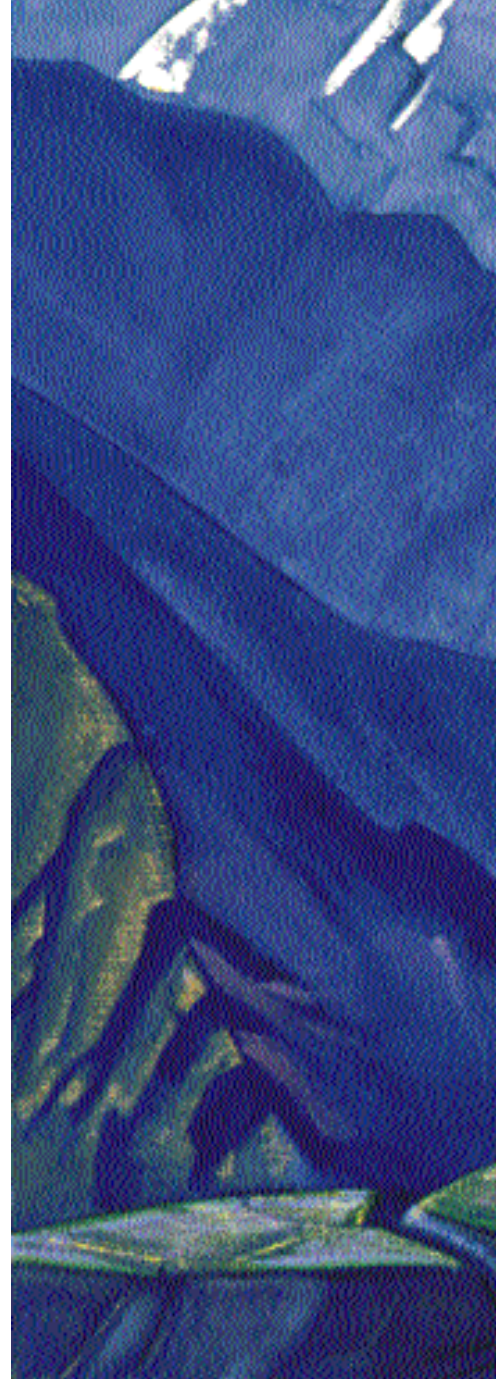
И чем шире разрасталась и укреплялась в почве Европы машинная цивилизация, тем больше Запад обращал свои взоры на Восток, привлеченный тем необычным, что находилось там.

Рерих был глубоко убежден, что сближение Востока и Запада приведет к возрождению того и другого. Связывая проблему «Восток—Запад» с взаимодействием духа — материи и культуры — цивилизации, он искал на этих путях не только выхода из тупиков XX века, но и дорогу для дальнейшего продвижения человечества по лестнице космической эволюции.

«...В мудрости Востока и Запада, — писал Герман Гессе, — мы видим уже не враждебные, борющиеся силы, но полюса, между которыми раскачивается жизнь»¹⁴.

«Раскачивающаяся жизнь» привносила свою динамику в этот сложный процесс.

Пройдя страны Востока и Запада, проникая глубоко в истоки их культур, Рерих сделал однозначный вывод, что как в одной, так и в другой части планеты действуют одни и те же законы энергетической культуры, одни и те же закономерности формирования самоорганизующихся систем духа. Поэтому вне зависимости от того, входили ли во взаимодействие определенные пространства Востока и Запада или не входили, эти самоорганизующиеся системы духа или культуры имели между собой принципиальную общ-

ность и единый план. Именно этот момент Николай Константинович ставит во главу угла своих научных концепций и построений. Он рассматривает, прежде всего, то, что объединяет Восток и Запад, а не то, что их разъединяет. Дух и сформированная в его энергетическом поле культура есть тот важнейший, объединяющий момент, который носит, без сомнения, эволюционный, или фундаментальный, характер. И

¹¹ Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 172.

¹² На картине Н.К. Рериха «Сжигание тьмы» с точностью до деталей изображена та часть Эвереста, на которой были только альпинисты. Английские восходители были потрясены, когда увидели картину.

¹³ Рерих Н.К. Восток—Запад. М., 1994. С. 49.

¹⁴ Там же. С. 217.

Н.К. Рерих. Парень, играющий на рожке. Эскиз костюма к балету И.Ф. Стравинского «Весна Священная»

Н.К. Рерих. Кришна. Весна в Кулу

на маршруте Центрально-Азиатской экспедиции, и в последующих своих путешествиях он неумоимо собирает нужный для его концепции материал и размышляет над его сущностью. Все чаще и чаще в его работах появляются соответствующие мысли и утверждения. «...Сама жизнь формирует основания для единой мудрости», — пишет он в очерке «Сын царя»¹⁵.

«Можно видеть, что и Запад и Восток мыслят одинаково по многим направлениям»¹⁶, — отмечает он в «Шамбале Сияющей».

«Вспомнили о белых керамиковых конях, которые кругами до сих пор стоят на полях южной Индии, — делится он своими наблюдениями в очерке «Великая мать», — и на которых, как говорят, женщины в тонких телах совершают полеты. В ответ встали образы Валькирии и даже современное выделение астральных тел. Вспомнили, как трогательно женщины Индии украшают каждый день порог своего дома новым узором — узором благополучия и счастья, но тут же припомнили и

все узоры, вышитые женщинами Запада во спасение дорогих их сердцу»¹⁷.

Рерих писал о сходстве индийского Кришны и славянского Леля, об общности ритуалов сибирских шаманов и колдунов Малабара, о родственных связях фольклора Тибета и Алтая, Литвы и Персии, Германии и Китая. Он анализировал народные праздники России и Гималаев и находил в них много общего. В Кашмире и Сиккиме, во время праздничных торжеств, вспоминал о славянских празднествах,

¹⁵ Рерих Н.К. Восток—Запад. М., 1994. С. 28.

¹⁶ Там же. С. 49.

¹⁷ Там же. С. 57.

Н.К. Рерих. Меч Гесэра

отображенных в спектакле «Весна Священная».

В своих путешествиях он побывал на Западе, в Америке, где до Востока рукой подать и где эти пространства встречались в Тихом океане, соединявшем крайний Запад и крайний Восток. «Вспомните орнаменты, — писал Николай Константинович, погружаясь в духовное изначалие глубокой древности, — и рисун-

ки американских индейцев в их старых становищах. Эти рисунки полны замечательного значения и напоминают о необыкновенной древности своей, ведя ко временам единого языка. Так, наблюдая и объединяя национальные символы, мы выясняем историческое значение чистого рисунка. В этом первичном начертании вы видите мысли о космогонии, о символах природы. В

радуге, в молнии, в облаках вы видите всю историю устремлений к прекрасному. Эти начертания объединяют давно разъединенное сознание народов; они те же, как и в Аризоне или в Монголии, так и в Сибири. Те же начертания как на скалах Тибета и Ладака, так и на камнях Кавказа, Венгрии и Норвегии»¹⁸.

Рассматривая культурные процессы и ощущая их единство

¹⁸ Рерих Н.К. Восток—Запад. М., 1994. С. 78.

взаимодействовали все явления на планете Земля. Может быть, раньше, чем кто-либо другой, Николай Константинович в этом многообразии дифференцированных и изоцированных форм Востока и Запада увидел объединяющее их начало, в основе которого лежал дух, или энергия. Уйдя от первоначального синтеза в мир, распадающийся на множество форм, человечество должно было совершить новое восхождение, чтобы достичь того более усложненного и более тонкого энергетического синтеза, которого требовала от него космическая эволюция. И поэтому Рерих исследовал глубоко и скрупулезно взаимодействие культур Востока и Запада, именно то взаимодействие, которое несло в себе элементы будущего синтеза. И хотя сам действительный синтез представлялся ему достаточно отдаленным явлением, тем не менее его приближающиеся сполохи он уже отчетливо видел в историческом процессе земного человечества.

Он извлек из этого сложного и многообразного процесса самые яркие и самые привлекательные мгновения. В нем говорил в такие моменты не только историк, но и художник и философ. И поэтому в каждом выбранном им эпизоде была своя эстетика, блистала красота духа и материи. Именно Красота вела Рериха по безошибочному научному пути. За красочным шествием переселяющихся народов возникал кочевой мир Евразийских степей.

Переселения народов были связаны с энерго-эволюционными моментами исторического процесса.

«Великие переселения народов не случайность. Не может

быть случайностей в мировых постоянных явлениях. Этою особенностью закаляются наиболее живые силы народов. В соприкосновении с новыми соседями расширяется сознание и куются формы новых рас. Потому живая передвигаемость есть один из признаков мудрости»²⁰.

Космические передвижения народов во II—I тысячелетиях до нашей эры создали энергетические условия для дальнейшей культурно-духовной эволюции человечества. Появление в VI в. до н.э. целого ряда новых религиозных систем, в том числе буддизма, новых философских методологий было связано, как ни странно, именно с такими передвижениями.

Взаимодействие культур Востока и Запада происходило на фоне этих грандиозных переселений. Они же закладывали и основы для будущего синтеза. По следам «великих путников» шли легенды и сказания о племенах, ушедших под землю, о затонувших святых городах, о великанах, о таинственных ходах и пещерах. Восток нес свои вести Западу. Запад делился своим культурным достоянием с Востоком.

В этом планетарном культурном процессе Гималаи как духовный полюс Планеты играли важную роль. «...Именно нагорья Гималаев и Транс-Гималаев, — писал Рерих, — были одним из главных пунктов пересече-

в общем духовном поле Планеты, Рерих писал: «Ни океаны, ни материки не изменяли сущности народного понимания сил природы»¹⁹.

Культурный процесс, его эволюция были тесно связаны с этими силами природы, которые, собственно, и формировали тот природный поток эволюции, с энергетикой которого

Золотая бляха, «звериный» стиль. Скифский курган

¹⁹ Рерих Н.К. Восток—Запад. М., 1994. С. 57.

²⁰ Там же. С. 83.

ления народов, объединяя этим лучшие стили Запада, выдвигая скифику, напоминая о романском стиле и прочих незабываемых культурных сокровищах»²¹.

Оттуда, от Гималаев, пришло немало всемирных фольклорных и мифологических сюжетов, как будто там, в этих снегах и долинах, в течение многих веков формировались и как бы на время застыли кристаллы бесценных культурных сокровищ, ожидая следующей волны «великих путников».

Эти переселения народов и кочевой мир Евразии, соединившие два берега полноводной реки Востока и Запада, возможно, были самым древним полем культурно-духовного синтеза Планеты. На просторах Евразии много веков тому назад вскипел бурлящий котел этого синтеза, который вынес на поверхность сокровища так называемого «звериного стиля», вобравшего в себя все многообразие тогдашних изобразительных форм и создавшего уникальное и неповторимое художественное явление, которое оказало огромное влияние как на искусство Востока, так и на искусство Запада. В этом процессе важнейшая роль принадлежала стране, лежавшей на средостении Востока и Запада.

Постигать взаимодействие Востока и Запада Рерих начал именно в России, когда совершил в начале века путешествие по древним русским городам. Зрелище русской культуры в ее историческом развитии, развернувшееся тогда перед ним, потрясло его как художника и как ученого. Острым взглядом непредубежденного исследователя он уловил многослойность русской культуры, ее синтетичные элементы, в которых сочетались Восток и Запад.

Исследуя российские костюмы, архитектуру, иконы, народное искусство, Рерих пишет о монгольских и готских, о византийских и скифских, о персидских и скандинавских элементах. Восток и Запад в совместном и свободном творчестве ткали удивительно красочный ковер российской культуры. «Вы чувствуете, как хитрые арабские купцы плыли по рекам русским, широко

Золотой браслет, «звериный» стиль. Амударьинский клад

разнося сказку всего Востока до берегов Китая. Вы знаете, как на встречу им по тем же водным путям викинги несли красоту романеска, напитавшего одно из лучших времен Европы. И вы верите, что дворцы первых князей Киевских могли равняться по великолепию и по красоте с прославленной палатой Рогеров в Палермо»²².

Но это взаимодействие Востока и Запада на пространствах России не всегда было мирным. Русь прошла через войны и набеги, через чужеземное иго и нашествия. Но и в таких условиях продолжалось культурное обо-

гащение, и то там, то здесь вспыхивали огни синтеза. «В блеске татарских мечей, — пишет Николай Константинович, — Русь украшает орнамент свой новыми, чудесными знаками»²³.

Он искал общий исток славянской и индийской культур и сумел показать, что и «благоуханные долины Кашмира», и «священные берега Ганга» не так уж далеки от России, от корней ее культуры.

В течение многих веков на огромных пространствах России, лежащей на средостении Востока и Запада, зарождалась и развивалась, храня свое многообразие и красочность, общечеловеческая культура, носителям которой были близки и Восток и Запад и, что самое важное, понимание и того и другого.

«Мы любим все — и жар холодных числ, И дар божественных видений, Нам внятны все — и острый галльский смысл, И сумрачный германский гений...» — писал великий русский поэт Александр Блок.

История планеты дает нам немало примеров плодотворного взаимодействия Востока и Запада. XX век был особенно богат на такие контакты, содействовавшие, несмотря на их подчас противоречивую форму, в той или иной степени развитию процессов взаимовлияния.

Известно, какую роль в этом процессе сыграла семья Рерихов, принесящая нам духовные идеи, наработанные живой мыслью Востока.

Выдающиеся русские ученые, такие, как К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский, изучая культурное наследие Востока, пришли к выводу о насущной необходимости

²¹ Рерих Н.К. Восток—Запад. М., 1994. С. 80—81.

²² Там же. С. 27.

²³ Там же. С. 27.

его освоения для дальнейшего развития науки Запада. Тенденция, заложенная эволюцией в феномен «Восток—Запад», состоит в устремлении его энергетики к гармонии самих противоположений. Эта тенденция была сформулирована в XX веке Нильсом Бором в его принципе дополнительности, смысл которого состоит в том, что противоположные начала не вступают в борьбу, а гармонично дополняют друг друга и тем самым освобождают дорогу к дальнейшему синтезу, к более высокому состоянию самого явления. Главной движущей силой в этом процессе является энергетика духа. «Мир един созвучием духа», — сказано в одной из книг Живой Этики. «Дух в нашем понимании — это в сущности способность к синтезу и организации»²⁴, — вторит ей крупнейший ученый Запада Тейяр де Шарден.

Рерих справедливо пишет о том, что единство Востока и Запада, или их синтез, покоится на всеединстве великой энергии огня. На этой же энергии зиждется и вся сложнейшая структура мироздания, на ней же держатся и все процессы, происходящие там.

«...Мы знаем, что материя и дух — это энергия, — писал Николай Константинович в своем очерке «Радость творчества», — и мы, как наши дальневосточные друзья, готовы принять благословение прогрессивной эволюции... Разве не прекрасная задача для нашего поколения решить проблему непонимания (между Востоком и Западом. — Л.Ш.), если мы чувствуем всеединство великой Энергии?»²⁵ И еще: «...Святой дух огня может объединить человеческие сердца в блистательной эволюции»²⁶.

Дух, энергия огня связывает не только человеческие сердца, но и все в Космосе. Грандиозные эволюционные процессы, охватывающие различные пространства мироздания, различные состояния материи, в конечном счете имеют в своей основе огненную энергию духа. И эта энергия действует объективно, а заключенная в человеке имеет субъективный характер. Это объективное и субъективное тесно связано между собой и находится в постоянном взаимодействии. «Хотя синтез и кажется

Золотая застёжка, «зверинный» стиль. Сибирская коллекция

непроявленным, но так же как нельзя остановить мощь течения устья, так же нельзя остановить творчество синтеза, ибо питание синтеза происходит путем тонких энергий; и истечение тонких энергий синтеза происходит самым тонким процессом»²⁷.

Мироздание, представляющее собой одухотворенную энергетическую систему, развивается и творит на уровне сочетания объективного и субъективного. Ответить на вопрос, что в этом случае первично — субъективное или объективное, — не представ-

ляется возможным. Одно постоянно переходит в другое. Накопления субъективные приводят к развитию объективных тенденций. Объективное, в свою очередь, влияет на субъективное, и так до бесконечности. Именно субъективный фактор играет важнейшую роль в синтезе феномена «Восток—Запад». Ибо его пути идут прежде всего через человека, носителя духа и культуры. Человек сначала должен в самом себе построить тот магический мост синтеза, который поможет ему ориентироваться в разнообразном и противоречивом море фактов, связанных с эволюцией двух энергетических полюсов — Востока и Запада.

И этот же мост обязательно приведет к искомому результату. Только тот, кто одинаково хорошо понимает культуру и традиции Запада и Востока, только тот, кто чувствует себя там и здесь как дома и умеет находить быстро общий язык со всеми, в состоянии реально содействовать гармонии явления «Восток—Запад», а потом и его реальному синтезу. Таким человеком был Николай Константинович Рерих, который сделал так много для установления взаимопонимания между странами Востока и Запада, который прошел по своему магическому мосту и принял активное участие, может быть, в самом важном энергетическом процессе нашего века — создании синтетического учения, приемлемого и Западом и Востоком. Он принес в нашем веке Западу зов Востока. И сумел заставить его услышать.

²⁴ Тейяр де Шарден. Феномен человека. М., 1987. С. 205.

²⁵ Рерих Н.К. Восток—Запад. М., 1994. С. 67.

²⁶ Там же. С. 70.

²⁷ Мир Огненный, III, 61.

Н.К. Рерих

Подземные жители

Однажды, путешествуя, мы пришли в наполовину разрушенную деревню. Огонь мерцал только в двух домах. В маленькой комнате сидел старик, который чистил посуду. Он стал нашим хозяином на ночь. Я спросил его, почему он один. Он ответил: «Все ушли. Они нашли более подходящие места для проживания. Они были сильными и предприимчивыми. Что-то новое привлекло их. Но я знаю, ничего нового нет на земле. И я не хочу менять место моей смерти».

Итак, самые сильные ушли. Угасающие терпеливо ожидают смерти. Разве это не рассказ о всех миграциях, о предприимчивости?

Проблема великих миграций — самая привлекательная в истории человечества. Какой дух двигал целыми народами и бесчисленными племенами? Какие катаклизмы гнали орды из родимых степей? Какое новое счастье и преимущества угадывали они в голубой дымке необъятной пустыни?

На скалах в Дардистане мы видели древние росписи. Мы также видели рисунки такого типа на скалах около Брахмапутры, а также на скалах Орхона в Монголии и в курганах Минусинска в Сибири. И, наконец,

мы ясно видели ту же творческую философию в хал-ристнингарах Швеции и Норвегии. И позже мы стояли в изумлении перед мощными знаками раннего романского стиля, который, как мы выяснили, основывался на тех же творческих устремлениях великих переселенцев. В каждом городе, на каждой стоянке Азии я пытался узнать, какие воспоминания сохранились в памяти народной. Через эти охраняемые и сохраняемые предания вы можете узнать реальность прошлого. В каждой искорке фольклора есть капля великой Правды, украшенной или искаженной. Совсем еще недавно мы пренебрегали этими сокровищами фольклора. «Что могут знать эти неграмотные люди?» Но потом мы узнали, что даже великие Риг-Веды были написаны в сравнительно недавнем прошлом, и, вероятно, в течение многих столетий они передавались из уст в уста. Мы думали, что ковер-самолет из сказок принадлежит только детям, но вскоре поняли, что хотя каждая фантазия по-своему тклет прекрасный ковер, украшающий жизнь, тем не менее именно этот ковер несет следы великой реальности прошлого.

Среди многочисленных легенд и сказок разных стран можно найти предания о затерянных племенах

Н. К. Рерих.
Чудь подземная

или подземных жителей. В разных местах люди говорят о подобных фактах. Но, соотнося их, вы можете увидеть, что они являются главами одного и того же повествования. Сначала кажется невозможным, что может существовать какая-либо научная связь между этими разрозненными шепотами, произносимыми при свете костров пустыни. Но потом вы начинаете понимать особые совпадения в этих разнообразных легендах, рассказываемых людьми, которые даже не знают имен друг друга.

Вы узнаете родственные связи в фольклоре Тибета, Монголии, Китая, Туркестана, Кашмира, Персии, Алтая, Сибири, Урала, Кавказа, русских степей, Литвы, Польши, Венгрии, Германии, Франции; от самых высоких гор до самых глубоких океанов. Вы услышите прекрасно сложенные предания в районе Турфана. Вам расскажут, как святое племя преследовал тиран и как люди, не желая подвергаться жестокости, за-

муrowали себя в горных подземельях. Вас даже спросят, не хотите ли вы посмотреть на вход пещеры, через который ушел преследуемый святой народ.

В Кучаре вы услышите о короле По-чане, правителе тохаров, и как, когда враг настиг его, он скрылся со всеми сокровищами своего королевства, оставив позади себя только песок, камни и руины.

В Кашмире рассказывают о потерянном племени Израиля; любой ученый рабби может объяснить вам, что израиль — имя тех, кто ищет, и что это означает не нацию, а характер народа. В связи с этими верованиями вам покажут в Сринагаре могилу Благословенного Иссы — Иисуса. Вы можете услышать искусный рассказ о том, как был распят Спаситель, но не умер, и его последователи вынесли тело из гробницы и исчезли. Говорят, Исса воскрес и провел оставшуюся часть жизни в Кашмире, проповедуя то же Евангелие. Говорят, что из этого подземного погребения доносятся различные ароматы. В Кашгаре вам покажут могилу Девы Марии, где спасалась святая Мать Иссы после жестокой казни ее сына. Повсюду вы слышите разные рассказы о путешествиях и передвижениях великого значения. По мере продвижения вашего каравана вы получите величайшее

удовольствие и величайшие знания. Из Турфана также приходит интересный рассказ о том, как молодых людей посылали в долгие путешествия, как бы в паломничество, для обретения лучших знаний других стран.

Каждый вход в пещеру предполагает, что кто-то уже ушел туда. Каждый ручей — особенно подземные ручьи — поворачивает воображение к подземным переходам. Во многих местах Центральной Азии говорят об агарти — подземном народе. В многочисленных прекрасных легендах описывается та же история о том, как лучший народ покинул предательскую землю и нашел спасение в тайных странах, где он обрел новые силы и подчинил мощные энергии.

В горах Алтая, в прекрасной горной долине Уймон седой старовер сказал мне: «Я докажу вам, что легенда о чудии, подземном народе, не фантазия! Я приведу вас ко входу в подземное царство».

По дороге через долину, окруженную снежными горами, мой хозяин рассказал мне множество историй о чудии. Замечательно то, что «чудь» на русском языке имеет ту же самую основу, как и слово «чудо». Вероятно, поэтому мы можем считать чудь чудесным племенем. Мой бородатый проводник рассказал мне, «как давным-давно в этой плодородной долине жило и процветало могущественное племя чудии. Они знали, как изыскать минералы и как вырастить богатый урожай. Самым миролюбивым и трудолюбивым было это племя. Но потом пришел Белый Царь с неисчислимыми отрядами жестоких воинов. Миролюбивая и трудолюбивая чудь не смогла сопротивляться насилию завоевателей и не хотела терять свою свободу; они остались слугами Белого Царя. Потом впервые белая береза начала расти в этом районе. И, согласно старинным пророчествам, чудь узнала, что пришло время их ухода. И чудь, не желая оставаться в подчинении у Белого Царя, ушла под землю. Только иногда вы можете услышать пение святых людей; сейчас их колокола звонят в подземных храмах. Но придет славное время человеческого очищения, и в эти дни великая чудь снова появится в полной славе».

Так закончил старовер. Мы приближались к низкому каменистому холму. Он гордо показал мне: «Вот здесь вход в великое подземное царство. Когда чудь вошла в подземный ход, то закрыли вход камнями. Сейчас мы стоим прямо около этого подземного входа».

Мы стояли перед огромным погребением, окруженным большими камнями, таким типичным для периода великого переселения. Подобные погребения с прекрасными образцами готских реликвий мы видели в южнорусских степях, в предгорьях Северного Кавказа. Исследуя этот холм, я вспомнил, как во время перехода через Каракорумский перевал мой саис, ладакец, спросил меня: «Знаете ли вы, почему здесь такая своеобразная поверхность? Знаете ли вы, что здесь, в подземных пещерах, спрятаны многие сокровища и что в них живет удивительное племя, которое ненавидит грехи земли?»

И опять, когда мы прибыли в Хотан, подковы наших лошадей звучали глухо, будто мы проезжали над пещерами или пустотами. Караванщики обратили наше внимание на это, говоря: «Вы слышите, какие пустые подземные переходы мы пересекаем? Через эти проходы люди, которые их знают, могут добраться до дальних стран».

Когда мы наткнулись на входы пещер, наши караванщики рассказали нам:

«Давным-давно здесь жили люди, сейчас они ушли под землю; они нашли подземный проход к подземному царству. Только очень редко некоторые из них появляются снова на земле. На наши базары такие люди приходят со странными, очень древними монетами, но никто не может даже вспомнить то время, когда здесь пользовались такими деньгами». Я спросил их, сможем ли мы тоже увидеть таких людей. И они ответили: «Да, если ваши мысли высоки и общаются с этими святыми людьми, потому что на земле только грешники, а чистые и мужественные уходят к чему-то более прекрасному».

Велика вера в Царство подземного народа. По всей Азии, на пространствах всех пустынь, от Тихого океана до Урала вы можете услышать одни и те же чудесные сказания об исчезнувшем святом народе. И даже далеко за Уральскими горами эхо тех же сказаний достигнет вас. Часто вы слышите о подземных племенах. Говорят, что иногда невидимый святой народ живет за горой. Иногда или ядовитые, или живительные газы поднимаются над землей, чтобы защищать кого-то. Иногда вы слышите, как передвигаются пески огромной пустыни и на какой-то момент открывают доступ к сокровищам подземных царств. Но никто не смеет прикоснуться к этим сокровищам. Вы услышите, что в скалах самых пустынных горных хребтов можно увидеть отверстия, которые соединены с этими подземными переходами, и что прекрасные принцессы давным-давно живут в этих природных замках. На расстоянии можно принять эти отверстия за орлиные гнезда, потому что все, что принадлежит подземному народу, скрыто. Иногда Святой Город тонет, как в фольклоре Нидерландов и Швейцарии. И фольклор совпадает с действительными открытиями в озерах и у морских побережий. В Сибири, в России, в Литве и Польше вы найдете много легенд и сказок о великанах, которые жили когда-то в этих странах, но потом, питая отвращение к новым обычаям, исчезли. В этих легендах можно узнать специфические обоснования древних родов. Великаны являются братьями. Очень часто сестры великанов живут на других берегах озер или на другой стороне гор. Очень часто они не любят покидать место жительства, но некоторые особые случаи уводят их из родовых жилищ. Всегда рядом с этими великанами находятся птицы и звери, которые, как свидетели, следуют за ними и объявляют об их отправлении.

Среди историй о подземных городах рассказ о Керженце под Нижним Новгородом обладает особой красотой. Эта легенда оказывает такое воздействие на людей, что даже сейчас, один раз в году, множество верующего народа собирается для крестного хода вокруг озера, где Святой Город ушел под воду. Трoга-

тельно видеть, как жизненны легенды, жизненны, как костры и факелы самой процессии, которая поет святыи песни о Городе. После этого в полной тишине, сидя вокруг костров, люди ждут и слушают праздничные колокола невидимых церквей.

Это шествие напоминает священный праздник на озере Манасаровар в Гималаях. Русская легенда о Керженце относится ко времени монголо-татарского ига. Она рассказывает, что, когда приблизились победоносные татаро-монгольские орды, древнерусский город Керженец не смог защитить себя. Тогда весь святой народ этого города пришел в храм и молился о спасении. Перед самыми глазами безжалостных завоевателей город торжественно опустился в озеро, которое впоследствии стало считаться священным. Хотя легенда говорит о времени татарского ига, вы можете понять, что основа легенды намного более древняя, и вы можете найти следы типичных переселений. Эта легенда имеет не только много вариантов, но даже вдохновляет многих современных композиторов и художников. Каждый может вспомнить прекрасную оперу Римского-Корсакова «Град Китеж».

Бесконечные курганы южных степей хранят многочисленные истории о появлении неизвестного воина неизвестно откуда. В Карпатах Венгрии существует много подобных преданий о неизвестных племенах, великанах-воинах и таинственных городах. Если без предубеждения вы терпеливо отметите на своей карте все легенды и предания такого рода, вы будете удивлены результатом. Когда вы соберете все сказки о потерянных и подземных племенах, не будет ли перед вами полная карта великих миграций? Старый миссионер-католик случайно рассказал нам, что район Лхасы когда-то назывался Гота. В Транс-Гималаях на высоте от пятнадцати до шестнадцати тысяч футов мы обнаружили группы менгиров. Об этих менгирах в Тибете никто не знает. Однажды после целого дня путешествия по бесплодным холмам и скалам Транс-Гималаев мы увидели на расстоянии несколько черных палаток, подготовленных для нашего лагеря. В это время мы заметили неподалеку от этого же направления те длинные камни, которые полны значения для каждого археолога. Даже издалека можно было различить особый вид их конструкции.

«Что за камни на склоне?» — спросили мы нашего тибетского проводника.

«О, — ответил он, — это доринги — длинные камни; это древнее священное место. Очень полезно намазать жиром верхушки камней. Божества этого места помогают путешественникам».

«Кто поставил эти камни вместе?»

«Никто не знает. Но этот район с древних времен назывался Доринг — длинные камни. Люди говорят, что неизвестный народ прошел здесь давно».

По рельефу Транс-Гималаев мы увидели четкие длинные ряды вертикальных камней. Эти ряды заканчивались кольцом с тремя высокими камнями в центре. Все сооружение было направлено с запада на восток.

После устройства лагеря мы поспешили к самому месту. Мы поняли, что это был типичный менгир,

из тех, что прославили каменные поля Карнака. Мы не нашли никаких предметов на окружающих склонах. Недалеко от менгира были следы речушки, сейчас высохшей. Раскопки не были позволены из-за глупого предубеждения тибетцев, которые выдумали историю о том, что якобы Будда запретил прикасаться к земле. Но никаких раскопок не требовалось, чтобы узнать типичную друидическую конструкцию, так бережно перенесенную с берегов океана... «Самые сильные прошли этим путем и нашли самые подходящие места».

В течение следующих четырех дней мы нашли следующие четыре группы менгиров. Некоторые из них имели такие же длинные аллеи, сложенные из камней; другие включали только несколько длинных камней, окруженных меньшими камнями. Когда мы приблизились к высоким перевалам перед Брахмапутрой, эти сооружения исчезли. В связи с этими старыми святилищами мы нашли несколько погребений, квадраты которых были выложены большими камнями. Снова полное повторение того, что было обнаружено на Алтае и на Кавказе. Передо мной лежит найденная в таком же месте характерная фибула — двуглавый орел. Такой же рисунок был известен нам из могил Северного Кавказа. Передо мной лежат тибетские мечи, точно такие же, что и из готских могильников. Женщины того же района носят головные уборы, что и славянские народы, так называемый кокошник.

Когда вы путешествуете по высокогорьям Тибета с их невыносимыми холодами и ураганами; когда вы замечаете этих диких тибетцев в гниющих мехах, поглощающих сырое мясо, вы глубоко изумлены, когда из-под меховой шапки показывается лицо испанца, венгра или южного француза. Возможно, у них в какой-то степени искажены черты лица, но они не имеют никакого отношения к монгольскому или китайскому типу. Вы можете отнести их только к европейцам. Можно также представить, что лучшие и самые смелые люди ушли куда-то и теперь вы имеете перед собой только бедные дегенеративные остатки.

Глядя на безжалостные ледники Транс-Гималаев, на эту стерильную почву, на бесплодные скалы, где даже животных мало, где даже орлов увидишь редко, вы можете представить себе, как люди были движимы вперед и как от высоких гор они достигли просторов будущих пустынь. Но их дух не был удовлетворен. Они тосковали по горам. Таким образом, именно Алтайские горы дали им временную иллюзию страстно желанного счастья. Но ледники Алтая слишком близки к ним; только сейчас они начали отступать, и ученые вычислили, что ледники отступили на двадцать пять футов за последние тридцать лет.

Новые и более плодородные места обитания для мужественных путешественников были найдены на Северном Кавказе и в Крыму. Снова горы дали им возможность вдохнуть простор. Но им больше не надо было сокрушать ледники. Длинное путешествие было вознаграждено. Тогда почему не попытаться

двигаться дальше? Карпаты тоже приглашали; так до самого побережья океана дошли пилигримы. И они помнили все священные знаки своего долгого путешествия. Поэтому мы так высоко ценим менгиры Бретани и Стоун Хендж Британских островов. Мы не можем подвести окончательного итога, так как каждая окончательность есть вывод, но выводы означают смерть. В широких решениях, в широких ожиданиях и поиске мы счастливы добавить еще жемчужины к нити исканий. Когда меня спрашивали: «Почему вы так радуетесь этим менгирам?», я отвечал: «Потому что моя карта сказок была подтверждена. Когда в одной руке вы держите конец волшебной нити в Карнаке, разве не радость обнаружить ее начало в Транс-Гималаях?»

Кто-нибудь будет спорить, что, вероятно, строители менгиров пришли в Транс-Гималаи откуда-то и что Транс-Гималаи могли быть местом их остановки, а не местом их происхождения. Конечно, это может быть и так. Следовательно, мы построили менее определенных выводы, и чем меньше мы предполагаем, тем лучше для будущего.

«Но уверены ли вы, что люди, о которых вы говорите, так называемые готы?»

Это несущественно для меня, как они называются, были ли они праотцами готов или их внуками. Существовали ли у них глубокие связи с кельтами, или аланами, или скифами. Пусть скрупулезные расчеты будут сделаны кем-нибудь другим. Но я радуюсь тому факту, что на вершинах Транс-Гималаев я видел олицетворение Карнака. Я настаиваю на классификации, потому что на моих глазах поверхностная классификация менялась часто, и так называемый факт легко переносился на тысячу лет. Я не забуду свое изумление, когда при раскопках кургана, который по установленным характеристикам датировался периодом не позднее X века, нашел в руках скелета монету XIV столетия. Такие вот колебания!

Народ определяет эти проблемы намного проще: для них все, что исчезло, ушло под землю.

Когда мы спрашиваем нашего столетнего деда о покрытой забвением юности, мы определенно услышим много фантастических вещей. Но всегда будет открыта и правда. Когда мы спрашиваем людей об их праотцах, они еще способны рассказать нам, они еще могут спеть песню великой правды.

Старые тибетские легенды еще с очень древних времен привлекали внимание к менгирам и долменам неизвестного происхождения. Память тибетского народа так свидетельствует об этих Великих Странниках:

«Из далекой Индии отправились два принца и пошли на Север. По дороге один из принцев умер, а его брат почтил его память, возведя над ним сверкающее жилище из огромных камней. И сам продолжал свой длинный путь в неизвестные земли».

Так знает память народа!

Тангу, 1928

Н.К. Рерих

Дары Востока

Перед нами старинная монгольская монета. На ней и солнце, и луна, и семизначное созвездие Большой Медведицы или Семи Старцев. Широкая мечта о поднебесье. Мечта о чудесах и красотах Чингизова Великого Синего Неба...

Широкоохватно.

Разве не широкоохватно, что монголы купали коней своих в Адриатике. Бывали монголы в Париже, в Лионе, в Валенсии. Монгол поставлял шлемы войску Филиппа Красивого. Алансон — от аланов. Аланы в ставках монгольских.

Широкоохватно, как и все, проникновение Востока на Запад под знаком Крестовых походов и по следам великих путников. Часто Запад забывает, сколько наследий Востока он воспринял во все века, в века Марко Поло, Платона Карпини, Рубруквиса, Лонжюмо, д'Анселино и других смелых духом.

«В блеске татарских мечей Русь слушала сказку Востока, которую когда-то сказывали и хитрые арабские гости по пути из Варяг в Греки».

В 1202 году итальянец Леонардо да Пиза издает математический трактат «Либер абацис» с арабскими цифрами. У него же впервые и арабское «зифир» — ноль, пустота. Арабские цифры. Но сами арабы называют их индийскими. Дары Востока безграничны. И сейчас хозары в Афганистане.

Алгебра, алиада, зенит, надир, азимут, наконец, Альдебаран, Алгол, Алтаир — все от арабов, все от Востока.

Оттуда же многое в медицине и естественных науках — алкоголь, аламбик, алкал, бура, амальгама — все от Востока. В Испании — арабский университет в Кордове и на юге Италии — в Салерно. Врач египетского султана излечивает Людовика IX. Слова: сироп, эулеп, эликсир, камфора и многие другие запечатлены в восточной медицине.

Печатается по: *Рерих Н.К. Листы Дневника. Т. 1. М., 1999.*

Возвращение Марко Поло в Венецию. Средневековая миниатюра

Даже в земледелии Восток дал полезные советы Западу. Маис — из Азии. Сахарный тростник, рис, индиго, шафран, целый ряд фруктовых деревьев и овощей имели родину в Азии. Всякие пилигримы несли в заплечных мешках всевозможные семена и насыщали ими свою родную землю. Абрикос именовался грушею Дамаска. Эшалот от Аскалона. Артишоки, шпинат, эстрагон — все это арабские имена. Вина Кипра, Газы, Аскалона, изюм Греции и Палестины — все дары восточные.

Арабские кони — карабахи, карашары, ослы, мулы, наконец, гепарды, так прекрасно изображенные на картинах Гоццоли, — все из глубин Азийских. Утверждают, что ветряные мельницы — из Азии.

Промышленность Востока издавна прельщала Европу. Сахар Антиохии и Триполи. Хлопок Бейрута, Алеппо, Акры. Шелк Тира, Тортозы, Тивериады. Муслин от Моссула. Муар, тафта, шифон — от арабов. Ковры иранские. Восточные составы красок. Кордуанская кожа, испано-маврские фаянсы.

Среди терминов мореплавания — буссоль, адмирал, арсенал, муссон, фелюка, корвет, шаланда, тартана — все от Востока.

На полях битв войска Востока не были малым неприятелем. Не раз Запад среди войн с Востоком учился новым войсковым порядкам, дисциплине, бдительности, охранению и наблюдательности. Целые военные ордена создавались именно после приближения к Востоку. Западные войны заимствовали от Востока прекрасное оружие. Дамасские клинки и до сих пор звучат как нарицательное лучшего качества.

Малые щиты-торчи. Сарацинские кольчуги, зарцала и бахтерцы — восточные шлемы-мисюрки и сколько другого всевозможного и вооружения, и конского снаряжения имеет свое происхождение на Востоке. Не забудем, что повсеместно принятое слово «улан» есть слово чисто монгольское. В русском обиходе пестреет множество монгольских слов, глубоко угнездившихся: есаул, куяк, мерен, тамга, ям, ярлык, яр, караул, доха, чумбур, аргамак и множество других обычных для русского уха.

На Востоке крестоносцы, чтобы различаться в бою, начали начертать на щитах первые символические изображения, сохранившиеся потом как родовые гербы. Много из геральдических животных имеют свою восточную основу: единороги, слоны, львы, грифоны. Сама раскраска щитов, даже в названиях своих, напоминает и Персию, и другие страны Востока.

Бесчисленные благовония, духи, помады и косметики притекали с Востока. Названия мебели и обихода оттуда же: диван, балдахин, альков,

Бабур на приеме у Бадн' аз-Замана. Миниатюра из «Бабур-Наме». Индия, конец XVI в.

сундук, графин, джар — все оттуда же, так же как и названия многих драгоценных камней. Даже слово «галета» напоминает нам Галату.

Часто восточные народы изображались нетерпимыми, жестокими, безнравственными, предательскими. В то же время мы имеем несомненные доказательства их терпимости, человечности, благотворительности. Мы восхищаемся храбростью и мужеством Чингисхана и всех прочих воителей и Дальнего и Ближнего Востока. Сарацины назывались невежественными варварами, а в то же время по школам их и по их цивилизации, по наукам и по искусству их можно было видеть, насколько иногда они превосходили гордый Запад. Соприкасание с народами Востока явилось одним из важнейших импульсов средневековья. Оно вызвало во всех областях неожиданное пробуждение. Это был первый расцвет, первый ренессанс.

Послушаем, что говорит о современных монголах Ларсен, посвятивший Монголии более сорока лет своей жизни. Конечно, Ларсен встречался со всевозможными монгольскими родами и знает их в разных проявлениях основного характера. Такие свидетельства, почерпнутые из многолетнего опыта, всегда ценны. В книге своей о Монголии Ларсен замечает:

«Общие впечатления иностранца, проезжающего через Монголию, будут о безнадежности военной силы этой страны, но в действительности военная мощь Монголии вовсе не так мала, как случайный наблюдатель может думать. Каждый монгол — хороший наездник и прекрасный стрелок. Все население увлекается охотой, как спортом. Монголы стреляют с седла и с детства приучаются к луку, и стрелам, и к лассо на скачущих конях.

Лук и стрелы, даже в недавнем прошлом, были главным монгольским оружием. Соревнования в стрельбе из лука являются годовым праздником во многих монгольских родах... Требуется верный глаз и твердая рука, чтобы пустить стрелу в цель, обернувшись во время скака лошади. Монголы, научившиеся этой верности со стрелами, оказываются чудесными стрелками из винтовок, с которыми они научаются обращаться с неожиданной легкостью. Монголы, вооруженные винтовками, посланные в битву, редко минуют, чтобы не свалить врага каждым своим выстрелом.

Монголы любят свою страну, много превосходя в этом глубоком чувстве все народы, с которыми я встречался. В защите своей страны они всегда имеют преимущества. Они испытаны в распознавании расстояний, приучены к чистому воздуху и к высотам и могут судить о дальности расстояний лучше посторонних. Монголы очень умны в маневрировании и испытаны в преследовании своего врага и в окружении его.

Монголы обладают необыкновенной выносливостью и могут проходить большие расстояния без пищи или воды и выдерживать превратности погоды. Физически они необыкновенно приспособлены. И ламы, и светские

Осада города. Средневековая миниатюра. Англия, ок. 1250 г. Английские родовые гербы

люди закалены всякими переходами и ежедневными продолжительными скачками на своих необъятных равнинах... В дополнение к активному сопротивлению монголы обладают терпеливою мощью сопротивления пассивного, победить которое еще труднее. Они не спешат в битву. Население Монголии, живя в юртах, может уйти в течение ночи. Стада будут угнаны, источники будут уничтожены, так что вторгающийся в Монголию найдет себя в совершенной пустыне без пищи и воды, оставленный среди немилосердной природы.

В течение моей жизни в Монголии многое случилось, которое убедило меня, что монголы вполне способны выдержать натиск врага, что и отмечено в летописях о днях самого Чингисхана».

Показания таких свидетелей, не случайных проезжих, но посвятивших жизнь свою Монголии, чрезвычайно ценны. Швед Ларсен принадлежит именно к типу людей наблюдательных и сам знающий, что значит суровые условия природы. Ларсен совершенно верно отмечает и активную и пассивную мощь монголов, эту же мощь можно отметить и на всем Востоке.

Запад действительно многое самое ценное воспринял от Востока. И религии, и философии и многие другие ценнейшие находения по справедливости должны быть отнесены именно к Востоку, к Азии. Почему это так, а не иначе — не нам судить. Историк лишь может считаться с действительностью. И никто никакими предположениями и доводами не может поколебать эту великую действительность даров Востока.

В свое время я был рад получить книгу доктора Хара Давана о Чингисхане. Автор сам принадлежит к народам Востока, и потому его проникновенные оценки еще более убедительны. Он знает, о чем говорит. Так же необыкновенно глубоко понимал великого воителя Азии и недавно скончавшийся Владимирцов. Как ценно встречать в жизни справедливые суждения.

Признательность есть качество Архатов. Следуя этому примеру, будем признательны о всех великих дарах во всей их своеобразности и значительности.

Великое Синее Небо.

24 мая 1935 г.
Цаган Куре

Справа: монгольский воин времен Чингисхана (илл. из книги: Гуссе Р. Чингисхан. М., 2000)

В.К. Ключарьяни

ПУТЬ СИНЬИНА

*Синьин — так зовут в Шаолинском монастыре 35-летнего доктора наук, востоковеда **Алексея Маслова**, обладателя высшей награды — Золотого Дракона, присуждаемого не только за виртуозное владение боевыми искусствами, но и за выдающиеся достижения в развитии ушу. Он один из первых европейцев, ставших послушниками монастыря. Невероятно, но в его честь там воздвигнута стела из черного мрамора. Такого может быть удостоен лишь тот, кто оставил неизгладимый след в высшем искусстве Шаолиня — ушу и в самой полуторатысячелетней Традиции.*

Открытое лицо. Острый взгляд светлых, в синеву, глаз. Быстрые, точные движения. Почти зримое ощущение покоя сжатой пружины.

— Синьин и Маслов — это один и тот же человек?

Тень улыбки мелькнула и исчезла.словно открылась на миг и сомкнулась бездна. А меня пронзило острое чувство *дежа вю*. Я видел, видел уже такую улыбку! И связанное с ней *нечто* почему-то очень тревожило меня.

— Нет, — ответил он. — Два разных. Маслов — достаточно светский человек, ученый, читает лекции в университетах Англии, Германии, России и живет реалиями сегодняшнего дня. Синьин же стремится следовать древним заветам Шаолиня. Но в своей основе оба они смыкаются.

— Нет вещей, неприемлемых для Синьина, которых захотел бы Маслов?

— Он просто не захочет их. Вас смущает, что на мне европейский костюм, а не ряса? Но Синьин не может жить и действовать в Европе так, как он должен действовать, ибо в Традиции есть очень жесткие требования, например, к борьбе со злом, которые просто невозможно осуществлять, живя в цивилизованном мире. И он становится Масловым.

— А как Маслов стал Синьином?

— Долгий путь.

Вежливо и лаконично. Ответ типа «Вы видели, как течет река?».

Кое-что он потом все-таки рассказал...

Началось все в Монголии, где в конце 70-х работали его родители, врачи. Случайно узнал о китайце — мастере ушу. Уговорил взять в обучение. Среди шести учеников Алексей был единственным русским. Занятия проходили на жутком, продуваемом всеми ветрами чердаке какого-то дома, где хранилось сено. Когда начались морозы, — а они в Монголии доходят до минус сорока, — из группы остался лишь он один. Учитель не знал русского,

ученик — китайского. Объяснялись жестами. Ли Миньцин, сидя у казана с горячими углями, бесстрастно (мудрость жестока!) наблюдал, как на ледяном ветру посиневший подросток в тысячный раз повторяет одно и то же показанное ему движение. Вряд ли учитель мог тогда предположить, что этот упрямый русский станет не просто одним из сильнейших в мире бойцов, но возглавит Международную федерацию шаолиньских боевых искусств, станет основателем этой школы в России.

Вернувшись в Москву, он продолжит свои занятия боевыми искусствами, шлифуя их у знаменитого японского мастера Сато-сана. Окончит историко-филологический факультет Института стран Азии и Африки и станет специалистом по истории Китая. Напишет и опубликует тысячестраничный труд «Небесный путь боевых искусств» и на гонорар от этой первой книги отправится наконец в Китай.

— Я приехал в Китай с 17 долларами в кармане и с адресом одной из школ ушу. Мастер в той школе знал Ли Миньцина, и тогда я впервые понял, что такое в Традиции учитель. Имени Ли Миньцина оказалось достаточно, чтобы меня впустили в этот очень закрытый мир. В мир настоящего ушу, которое не имеет ничего общего с тем, что вы видите в кино или на телеэкранах.

— А как вы очутились в монастыре, ведь главное началось там?

— Впервые я познакомился с монахами в 90-м. Специально для китайцев из разных стран мира проводилась международная конференция по шаолиньской традиции. К тому времени мне удалось исследовать несколько древнекитайских рукописей, и когда я, единственный европеец, выступил с докладом на китайском, это был своего рода шок. Мы подружились... Нет, конечно же, нет. Европейцу невозможно подружиться с китайцем, слишком разное мироощущение. Но у людей, объединенных Традицией, есть понятие единства судьбы. И мы стали тесно общаться.

В 93-м он стал тренироваться при монастыре. Через год ему было разрешено стать послушником. Он выбрал боевые искусства, хотя обучался и всему остальному.

— Монахи-бойцы — особая категория, владеющая не просто ушу, но всем комплексом шаолиньских боевых искусств. Стиль там один, но очень много приемов и восемнадцать видов оружия, начиная с классических — мечей, копий, топоров и т.д. и до таких экзотических, как серпы, крюки или палочки для еды. Обязательно владение кулачным боем в разных вариациях, хотя в ушу удары наносятся главным образом ладонью. При этом идет мощный выброс энергии внутрь на один цунь (2,5 см). Такой удар не оставляет внешних следов или повреждений, но травмирует внутренние органы. Человека вообще легко убить. Скажем, уловив ритм сердца, достаточно легким толчком в грудь вызвать его разрыв. Но шаолиньский монах не имеет права убивать.

Его узкая кисть с длинными изящными пальцами музыканта и ухоженными ногтями постоянно притягивала мой взгляд. Он проследил его.

— *Ваша рука... Не представляю, как ею можно ударить. Вам вообще приходилось драться на улице?*

— Никогда.

— *Вы что же, никогда не сталкивались с агрессивной, с необходимостью защитить себя или беспомощного человека от какого-нибудь «качка» или уличного хулигана?*

— Приходилось. Но драться не обязательно. Есть иные способы.

— *И-цюань?*

— Один из них.

Ему явно не хотелось развивать эту тему. И это понятно. И-цюань, или «кулак воли», относится именно к тому кругу тайных знаний, который дается монахам Шаолиньского монастыря. «Технология»

его тренировок — строжайшая тайна. В и-цюань нет приемов, нет как таковых ударов рукой или ногой. Есть две ключевые вещи. Первое и главное, как и в любом боевом искусстве, — подготовка сознания. Человека, достигшего нужного уровня, невозможно заставить врасплох. Состояние его сознания таково, что в каждый момент он готов к любым экстремальным ситуациям и неожиданностям. Второе — способность мгновенного выброса внутренней энергии практически из любой точки тела. При этом выброс всегда направлен именно туда, куда идет волевой посыл. Такое умение обезвредить противника, даже не пошевелив рукой, — высочайшее искусство, требующее нескольких лет особой подготовки.

— *Вы сказали, что учите своих учеников избегать жесткого контактного боя, чтобы не искалечить противника. А как быть с агрессивным, сильным и озлобленным человеком, который ни с того ни с сего набрасывается на вас, видя в вас жертву?*

— Ничто не случается ни с того ни с сего. Если на вас напали, значит, вы чем-то притянули к себе. Чаще всего это ваш страх или ваша внутренняя агрессивность. Ведь даже забитый человек, всю жизнь испытывающий комплекс неполноценности, всегда скрыто агрессивен. Так вот, и страх и агрессия мощно транслируются вовне в виде определенных волн, эманаций, которые улавливаются и, как радар, нацеливаются на вас. Вспомните, как хорошо улавливают наш страх животные. В человеке срабатывает тот же природный биолокатор. Если в вас нет ни страха, ни агрессии, вы не притягиваете к себе. Поэтому настоящий мастер ушу всегда незаметен. Есть китайская поговорка: самых искусных мастеров никто не знает. Помню, однажды мы шли с Учителем по дороге из монастыря в горы и рассуждали обо всех этих показательных выступлениях, когда мастера ложатся на лезвия мечей, лижут раскаленный добела металл, пьют расплавленный свинец. И все для

Судзуки Киитсу. Весна и осень. Травы и цветы. Япония, сер. XIX в.

того, чтобы показать, чего можно достичь благодаря ушу. Я сам, наблюдая за монахами, которые били себя по горлу острейшим мечом, долго не решался повторить это. Когда решился и вошел в нужное состояние, ощущение было такое, будто этот меч — деревянный.

— *Что ни говори, но двойственность вашей собственной жизни очевидна и достаточно непривычна. С одной стороны, дзэн, который вы исповедуете, предполагает созерцательность, невмешательство, позицию типа «все будет, как должно быть, даже если будет по-другому». С другой — ваша гиперактивность. Занятия наукой, ушу, лекции в университетах — сегодня вы в Лондоне, завтра в Париже, Барселоне или Сеуле.*

— На самом деле здесь нет противоречия. Для любого шаолиньского монаха это достаточно простой вопрос. Жизнь — это то пространство, в котором он выполняет свою миссию добрых дел. Его сердце и сознание должны, как эхо, реагировать на мир, оставаясь незамутненными, как зеркало. Чем шире диапазон твоих интересов, контактов, тем больше ты сможешь помочь людям. Вся наша жизнь — это постижение кун-фу, то есть «высшего мастерства». Неважно, в чем оно реализуется — в писательстве, врачевании, боевых искусствах. Все это в какой-то мере позволяет считать, что мы реализуем свое предназначение — и духовное и научное. Но, знаете, здесь главное — не самообольщаться. Есть старый даосский принцип: добившись успеха, сразу же отступай, не пользуйся им.

— *Как вы относитесь ко всему, что происходит сегодня в России?*

— Как этнолог. Есть неизбежные исторические процессы. В них гибнут нации, исчезают государства. Вспомните Рим, Византию, Австро-Венгрию... Плохо, что сегодня черед России. Участие в таком процессе всегда болезненно. Но это — данность. А

вообще-то страдательный залог всегда был залогом жизни россиян. Так уж сложилось.

— *Жаль... А вам? Разве это не ваша страна? У вас есть ощущение Родины?*

— Я здесь родился и вырос. Мне легче читать и думать по-русски, хотя я могу это делать и на других языках. Не знаю... Мне приходится подолгу жить в других странах. Комфортнее всего чувствую себя в Англии. Там четко выстроена жизнь и идеальные условия для научной работы.

— *А как же Шаолинь?*

— Вы ведь задали вопрос Маслову.

Метаморфоза была мгновенной. Время свернулось, как пергаментный свиток. Передо мной снова сидел монах с застывшей тысячелетней улыбкой.

И тут я вспомнил эту улыбку...

91-й год. Узкоглазый незнакомец подходит ко мне на улице. Несколько мгновений пристально изучает меня. Затем, странно улыбаясь, предупреждает: «Вам надо быть осторожным. Если сейчас не остановитесь, вас ничто не спасет». Я был ошеломлен. Он заглянул в мои мысли... Когда я наконец собрался что-то спросить, его уже не было рядом. Осталась лишь эта неподвижная, загадочная улыбка, от которой мне стало не по себе. Я не внял предупреждению. И, как вскоре выяснилось, напрасно. Выжил чудом... Откуда? Откуда ему было все известно о моих проблемах? Почему кому-то дано видеть скрытое, предугадать выбор другого человека? Что знает обо мне этот улыбчивый синеглазый монах, не знающий обо мне ничего?

— Вам нравится мой бонсай? — невозмутимо спросил Синьин. — Правда, он прекрасен?

Он ласково прикоснулся к зеленому деревцу на подоконнике. Не оборачиваясь, сказал:

— Ваши неприятности с сердцем — от мерцающей психики. Научитесь закрываться. Как кот.

Ну не мог он знать, что я рожден в Год Кота...

А.А. Адамкова

ШРИ РАМАКРИШНА — ПРОРОК ЕДИНСТВА

*EKAM SAT VIPRAAH BAHUDHAAH VADANTI. —
ИСТИНА ЕДИНА. МУДРЫЕ НАЗЫВАЮТ
ЕЕ РАЗНЫМИ ИМЕНАМИ.*

Калькутта, Дакшинешвар... Тихо течет священная Ганга, омывая берег, на котором стоит белый Храм — Храм Матери Мира, Матери Кали. Наступает знойный вечер, зажигаются фонари, гонги и колокола возвещают конец дня... еще одного дня, такого же, как сотни других, прошедших. И только в храме, на полу, распростершись перед каменным изваянием Матери, лежит ее верный служитель, жрец Гададхар Чаттопадхья. Объятый смертельной тоской, сжимающей его сердце, он просит Мать раскрыться ему. «О Мать, прошел еще один день, а Ты опять не показалась мне! О Мать!..» — и в порыве невыносимого отчаяния хватается ритуальный меч, чтобы закончить свои страдания. Но в это мгновение Чаша наполнилась, и Душа, жаждущая Света, погрузилась в неизреченную тайну Матери Мира... чтобы остаться с Ней навсегда, чтобы стать Ее Словом, Ее утешением, страдающим и ищущим...

Это было давно, почти двадцать лет назад. Лишь белые стены Храма Матери да баньяновая роща вокруг остались немymi свидетелями тех высот, в которые поднимался дух Гададхара. Только они знают, как страстно и безудержно стремилась к познанию его душа и в молитвенном труде коченело его тело, а иногда, не в силах вынести напряжение духа, оно покрывалось кровавой испариной... как немело оно и стонало и замирало неделями, месяцами, оставленное на время, словно ненужная одежда...

Как ручьи неизбежно приходят к реке, так лучшие учителя древнейших индуистских традиций, словно движимые каким-то невидимым магнитом, находили свою дорогу к белому Храму на берегу Ганги в поисках того, кто их уже ожидал и всей своей неумной жаждой познания отождествлялся с новым, доходил до самого основания каждого учения и сливался с тем, кто стоял у его истоков. Так, он был Хануманом, благородным царем обезьян, и часами мог просидеть на ветках деревьев; вместе с пастушками-гопи из Вриндавана он томился, разыскивая своего возлюбленного Кришну; он был от-

цом и матерью для божественного ребенка Рамлала... Он пережил и объединил в себе все древние традиции Индии, не теоретически, а собственным духовным опытом. Он также постиг суть других мировых религий и у истоков неизменно находил Единство, существующее за всем видимым разнообразием религий.

А потом, когда кристалл Духа заиграл всеми лучами и его духовная жена Сарада Деви была готова к обретению нового, в один праздничный июньский день, посвященный Матери Кали, он стал совершать службу, — но не перед изваянием Матери, а перед своей Сарадой. Духовное напряжение было столь велико, что они оба потеряли сознание... чтобы обрести друг друга в духовном Сознании, на трансцендентальном уровне. А в конце этой мистерии, в глубоком поклоне, с молитвой к Матери Мира на губах, Рамакришна сложил к ногам Сарады свои четки и плоды всей своей духовной работы. Можно ли в полном объеме осознать смысл свершившегося? Но остается признанным, что это стало кульминацией духовных практик Рамакришны. Жрец Гададхар превратился в святого Рамакришну... А земных ему исполнилось 36 лет.

Наступил другой период. В Дакшинешвар потянулись люди из всех уголков страны. Они принадлежали к разным сословиям и вероисповеданиям, но их объединяло одно — желание прикоснуться к живой истине, к тому, кто всегда находил то единственно нужное слово, которое разбивало оковы незнания и зажигало в сердцах свет познания, стремления и любви.

Пришли и те, кто стал ближайшими учениками Рамакришны, те, на которых он чуть позже возложит миссию продолжения своего дела. Эти юноши постоянно находились рядом с Рамакришной, а он, предчувствуя свою скорую кончину, не жалел сил для их подготовки и обучения.

Так начиналась новая страница в духовной истории Индии XIX века, Индии, стоящей на перепутье дорог...

Свами Вивекананда

Со времени учительства величайшего философа древней Индии Шанкарачарья прошло много веков.

Тогда Шанкарачарья основал монастыри в ключевых местах Индии, создал очаги духовной силы и возможного возникновения нового знания и, восстановив на новых принципах буддийскую сангху, упорядочил способ существования и распространения знания по всей Индии. Само крестообразное расположение монастырей на севере, юге, западе, востоке и в центре Индии создавало круговое поле Знания, которое духовно окормляло пространство страны. Возникло учение Адвайты Веданты — высшего монизма, завершение Упанишад, и его социальное оформление в виде монастырского института саньясинов.

Но когда произнесенное Слово погружается в мир, оно со временем претерпевает неизбежное искажение своей первоначальной чистоты.

И истины всенаполняющего единства Веданты стали достоянием лесных дебрей и закрытых монастырей. Настало время, когда нужно было обновить сами основы жизни. Так говорится в Бхагавадгите, священной книге Индуизма:

*Всякий раз, когда в этом мире
Наступает дхармы упадок,
Когда нагло порок торжествует,
Я себя порождаю, Арджуна...*¹

И он появился — тихо и незаметно, как все великие, чтобы вместить в себя противоречия и поiski нарождающегося нового мира.

Духовные запросы и их конкретные выражения бывают в каждом веке разные, ибо отличаются и созидательные силы времени — каждый век по-своему неповторимо индивидуален. Философские концепции, возникшие в кризисные моменты истории, имеют особенно важное значение, ибо их появление говорит об исчерпании существующего Знания в его конкретной форме и свидетельствует о переходе человечества на следующую ступень эволюции. В то же время эти мысли оказываются своего рода духовными законами перехода на новый уровень.

Новые идеи не отменяют присутствия старых истин — новое прочтение Единой Истины лишь расширяет человеческое сознание и приближает к всевещающей Истине Абсолюта. А мудрецы, проявляющие своим словом и делом Истину на сцене жизни, демонстрируют миру величие, возможности человеческого духа и степень его общности к абсолютному Духу.

Духовный опыт Шри Рамакришны (18.2.1836 — 16.8.1886) представляет удивительный по своей сути вызов существующему миропорядку с его условностями и жесткими рамками. Влияние Рамакришны огромно, в первую очередь для Индии, но не исчерпывается ею, поскольку его послание миру воистину универсально.

На растущий атеизм своего времени Рамакришна ответил обновленной вестью о Вселенской Матери и приходе Ее эпохи. Всепроникающему разъединению он противопоставил сущностное Единство, которое является основой всех религий и верований. Материалистическому мировосприятию он показал величие и превосходство чистого духа над ограниченной материей. Гордость интеллектуализма и избранничества сокрушил зовом к бескорыстному служению всем униженным. Ограниченности и закристаллизованности канонических предписаний разных вероучений он явил животрепещущую веру, ведущую не к умственным теологическим конструкциям, а к глубинной сути Бытия. И сухое, бесплодное интеллектуальное познание замолкло, почуввав таинство откровения, мудрости, изливающейся из прямого источника.

То, что провозвестие Рамакришны было совершенно свободно от интеллектуальной элитарности его предшественников и современников, стоявших во главе духовного возрождения Индии XIX века (Рам Мохан Рой, Девендранатх Тагор, Кешаб Чандра Сен, Видиясагар и др.), является

¹ Бхагавадгита. Пер. Б.А. Смирнова. СПб., 1994. Гл.4, шл.7.

выдающейся особенностью, предопределившей его историческую роль.

Миссией Рамакришны было дать евангелие Духа, а не теологическое вероучение или философскую теорию. Он выявляет и разъясняет движение духа и его проявление через более утонченный сердечный ритм, более возвышенную активность воли и ясную интуицию разума.

Если метод Шанкары состоял в однозначном и строгом «нет» этому миру, в отказе от всех иллюзий и следовании высшему, безличному, бескачественному Абсолюту, — то есть в пути, доступном только сильным духом, то Рамакришна сказал «да» всему сущему, и все объединилось в его переполненном любовью сердце, и ничто и никто не был исключен.

Любимый ученик и духовный наследник Рамакришны, которому он заповедал великую миссию в этом мире, Свами Вивекананда (Нарендрнатх Датта, 12.1.1863 — 4.7.1902) объединил в себе диалектический ум Шанкары с любовью Рамакришны. В слово, произнесенное Шанкарой и пережитое Рамакришной, он вложил силу, рожденную из этого синтеза. Эта сила древних истин Веданты, воплощенная в социальной деятельности Вивекананды, заставила вздрогнуть всю Индию, проснуться и вспомнить о своей национальной гордости и самобытности.

Вивекананда относился к своему Учителю с глубочайшей любовью. Однажды в письме к Свами Рамакришнананде (тоже ученику Рамакришны) он написал, что без изучения и познания жизни Рамакришны никто не сможет понять учение Вед, Веданты и смысл Воплощения, ибо Рамакришна является объяснением этого Учения. Все то, что Веданта и другие пророки совершили в прошлом, святой вопло-

тил своей духовной практикой в течение одной жизни².

«Жизнь Рамакришны — луч невиданной мощи, брошенный на всю совокупность индийской религиозной мысли. Он был живым комментарием Вед и их цели. В одной жизни он пережил весь период национального религиозного существования Индии»³.

МАТЕРЬ МИРА

Матерь Мира раскрывалась людям во всем мире и во все времена. Ее форма и атрибутика могли быть разными в зависимости от религии и времени, которому принадлежал человек, и все же Она есть одна и та же Божественная Энергия в сердце человечества.

То, что Рамакришна осуществил в себе аспект Матери-Бога, женский аспект божественной энергии, Вивекананда считал его самым главным достижением. Однажды во время беседы Вивекананды с учениками кто-то сказал, что будущий мир будет смотреть на Рамакришну Парамахамсу как на Аватару⁴ — воплощение Матери Кали.

«Да, — ответил Вивекананда, — нет сомнений в том, что Мать сама сотворила тело Рамакришны для своих целей в мире»⁵.

Становится ясной необыкновенная роль женщин в жизни святого — принятие женщины в качестве своего Гуру (монашка Бхайрави Брахмани, обучавшая его системе тантр); его частые духовные практики в одежде женщин и с женским настроением мысли (для полного искоренения в себе идеи о женщине как объекте чувственного восприятия); духовный брак с Сарадой Деви; постоянные проповеди о женщинах как о представительницах Божественной Матери.

Ф. Дворжак. Портрет Сарады Деви

² The Complete Works of Swami Vivekananda. Vol.1-8. Calcutta, 1989. Vol. 6. P. 335.

³ Там же. Vol. 7. P. 483.

⁴ «Матерь Мира, рассматриваемая в ее космическом аспекте, есть Мулапракрити, все в себе вмещающая, все в себе зарождающая. Но в земном воплощении Она есть Великий Дух Женского Начала. За каждым проявлением, за каждым аспектом, за каждым символом стоит великая Индивидуальность. Так, каждая высокая индивидуальность имеет своих Заместителей и Персонификаторов, ближайших ей по лучу, а иногда и сама проявляется в подобных воплощениях. Отсюда возникло понятие Аватара». (Рерих Е.И. Письма. Рига, 1940. С. 19.)

⁵ Nivedita. The Master as I saw Him. Calcutta, 1972. P. 177. Само санскритское слово «Мать»(Matri) принадлежит и к женскому, и к мужскому роду. Но, с другой стороны, к Абсолюту неприменимы вообще никакие различия полов. (Swabananda S. Hindu Symbology and other Essays. Madras, 1983. P. 80.)

Сестра Ниведита (Маргарет Элизабет Нобл, ирландка по происхождению; 28.10.1867 — 13.10.1911)

«Каждая женщина — часть Той, Благословенной, и на каждую следует смотреть как на мать»⁶.

Вивекананда, развивающий на практике идеи своего Учителя, часто говорил, что мир не изменится к лучшему, пока не улучшится положение женщин, ибо птица не может летать с одним крылом⁷. Поэтому понятно и его первоочередное стремление создать в Индии монастырский орден для женщин — их собственную свободную организацию, которая сможет беспрепятственно воспитывать новых, сильных духом женщин, подобных женщинам, упоминавшимся в Упанишадах, — мудрым Гарги, Майтрейи. Осуществить этот замысел удалось лишь в 1954 году, когда была официально зарегистрирована женская монашеская организация Сарада Матх. Эта организация пользуется огромным уважением, ее центры находятся во всех больших городах Индии (а также в Америке и Австралии). Сегодня все больше молодых девушек решаются избрать этот тяжелый жертвенный труд своим жизненным путем.

Вспомним отношения Рамакришны и Сарады Деви (22.12.1853 — 21.7.1920), — по индийским обычаям, его обручили с Сарадой, когда девочке было всего шесть лет, а ему 23. В то время Рамакришна жил в Дакшинешваре и вел чисто монашеский образ жизни. Но когда его мать стала настаивать на женитьбе, он не воспротивился. Духовным зрением он нашел ту, которой суждено будет стать его духовной спутницей, и назвал изумленной матери имя девочки и в какой деревне ее надо искать. После свадьбы Рамакришна вернулся в Дакшинешвар, а Сарада — в свой отчий дом. Прошли годы, наполненные для Рамакришны самой напряженной духовной практикой. Но люди по-другому воспринимали его устремление к Богу, и вот слухи о «сумасшедшем» Рамакришне дошли и до Сарады. Ей тогда было уже 18. Встревоженная услышанным, она собралась в путь, в Калькутту, чтобы ухаживать за своим мужем, если он действительно окажется больным.

Однако ее сомнения быстро рассеялись, едва она увидела Рамакришну. В ее жизни начался новый этап... Этап ученичества.

Однажды Рамакришна спросил ее, пришла ли она в Дакшинешвар для того, чтобы втянуть его в мирскую супружескую жизнь. «Нет, — ответила Сарада. — Я здесь, чтобы помочь тебе осуществить твои духовные устремления». Сарада признала в Рамакришне святого, а он, в свою очередь, смотрел на нее как на богиню в человеческом облике.

Их связь воистину удивительна — это мистический союз двух чистых душ, неизменно устремленных к Высшему; они явили собой возможность такого союза, когда обоюдное напряжение духа так велико, что полностью поглощает энергию телесного влечения и, трансформируя ее, лишь увеличивает натяжение той серебряной нити, которая соединяет их сердца с Высшим Источником.

«Безумство любви, и все же любви без оков. Материя, силой любви превращенная в дух...»⁸ — писал Вивекананда.

Рамакришна учил Сараду всему, что знал сам, — временному и духовному, а она впитывала в себя все так же быстро, как ранее ее муж, если не быстрее. А когда период обучения закончился, Рамакришна решил активизировать ее высший духовный потенциал. Это случилось той памятной ночью, когда он совершил перед ней службу, почитая ее живым воплощением Матери Мира. Почему он сделал это? Очевидно, для того, чтобы Сарада могла постоянно оставаться на этом уровне и продолжать начатое им дело. Она пережила Рамакришну на 34 года, ни на минуту не отклоняясь от избранного пути.

⁶ Поучения Шри Рамакришны. СПб., 1996. С. 68.

⁷ The Complete Works of Swami Vivekananda. Vol. 1—8. Calcutta, 1989. Vol. 6. P. 328.

⁸ Pravrajika Atmaprana. Sister Nivedita. Calcutta, 1992. P. 30.

Очевидцами записано любопытное происшествие, свидетельствующее об их удивительной духовной связи, которая сильнее даже смерти. Вечером в тот день, когда Рамакришна скончался, Сарада Деви, как подобает индийской вдове, хотела снять с себя браслеты и другие символы замужней женщины, но в этот момент перед ней появился Рамакришна и запретил ей, сказав: «Куда я делся? Вот он я. Это как переход из одной комнаты в другую». Подобное случилось еще два раза, годы спустя, — и оба раза Рамакришна схватил Сараду за руки и не разрешил ей снять с себя браслеты. После этого она уже не сопротивлялась и так до конца жизни носила знаки замужней женщины⁹.

Сестра Ниведита (Маргарет Элизабет Нобл, ирландка по происхождению; 28.10.1867 — 13.10.1911), духовная сподвижница Вивекананды, посвятившая многие годы своей жизни просветительской работе в Индии в русле идей Рамакришны-Вивекананды, неоднократно говорила, что Сарада Деви — завершающее слово Рамакришны относительно идеала индийской женщины. Но является ли она последней из старого мира или же началом нового? Она была заботливой женой своему мужу, его духовной ученицей, принявшей монашество, была матерью молодым ученикам Рамакришны, а после его ухода и духовным учителем для множества приходящих. В ней сочетались мудрость и доброта, присущие простым женщинам, и в то же время широта ее сознания открывала перед ней новые горизонты познания. Вся ее жизнь — продолжительная молитва, отмечала Ниведита.

Вивекананда же писал своим братьям, что никто еще не постиг величия и значимости жизни этой женщины. Она была рождена, чтобы возродить силу Шакти в Индии. А без женской энергии Шакти не может произойти обновление мира, ничто не сможет быть совершено без милости Матери Мира.

«Сначала Мать и Ее дочери, потом Отец и Его сыновья, — можете ли вы понять это?»¹⁰ — страстно взывал он к своим братьям.

Философия Веданты зазвучала по-новому: Рамакришна почитал Абсолют в форме Его женского аспекта — Божественной Матери, Духа-Энергии Матери. Рамакришна был первым, кто провозгласил приход эпохи Матери Мира. Всю свою жизнь он пребывал в глубинном сердечном контакте с Матерью, а перед своим уходом секрет этой связи передал Вивекананде.

Рамакришна постигает множество граней своей Матери:

«Божественная Мать играет с миром, принимая различные формы и различные имена. То она Безусловная, Абсолютная, не имеющая формы Богиня; то Она — Вечность, вне своих проявлений. В другой форме Она — внушающая ужас, правящая Смертью, Всеразрушающая. А вот Она стоит перед нами, готовая благословить и защитить Своих детей. Или же Она является как прекрасная Мать с синим цветом кожи — супруга Бога Вечности и Бесконечности»¹¹.

«Знайте, что моя Божественная Мать и едина, и множественна, и Она — за пределами единого и множественного»¹².

Идея Матери Мира по своей сути имперсональна, она помогает принять мир таким, каков он есть, во всеобщности многообразия его проявлений, и в то же время подняться над обыденностью опыта, познав его преходящий характер. Такое понимание объемлет даже несчастья и страдания, если отсутствует чувство самости и человек становится как бы свидетелем своей собственной жизни. В теории о Боге присутствует человеческое ограничение — персонификация, но мысль о Шакти приводит к идее одной Всеобщей Силы-Энергии, находящейся вне феноменального существования. Осознавание за всем многообразием бытия (проявляющегося в положительных или отрицательных аспектах) одной единой силы ведет к постижению равенства, взаимосвязанности и взаимодействия всего сущего.

«Абсолютный Брахман и Вечная Энергия неразделимы и составляют одно целое... Та же самая Вечная Энергия, мать всех явлений, создает, сохраняет и разрушает все. Ее зовут Кали, или Божественная Мать. Кали есть Брахман, Брахман есть Кали. Это одно и то же Существо. Я называю его Брахманом, когда Оно абсолютно бездейтельно, то есть когда Оно не творит, не сохраняет и не разрушает явлений. Но когда Оно совершает такие действия, я называю его Кали, Вечная Энергия, или Божественная Мать»¹³.

Кульм Матери был наиболее развит в традиции Шакт. Шакты рассматривают Мать-Богиню как персонификацию первоначальной энергии Абсолюта, а также как источник божественного и космического уровней. Она отождествляется с высшим Абсолютом — источником и Правителем всех сил и возможностей Природы. Из этого вытекает и социальная роль женщин. В традиции тантры женщины обладают правом Учителства и посвящения в религиозной и духовной деятельности. Вспомним мудрую саньяси Брахмани, которая обучала Рамакришну всем сложнейшим практикам 64-х тантр. Рамакришна прошел весь путь

⁹ The life of Swami Vivekananda. Calcutta, 1979. Vol. 1. P. 185.

¹⁰ The Complete Works of Swami Vivekananda. Vol. 1-8. Calcutta, 1989. Vol. 7. P. 484.

¹¹ Поучения Шри Рамакришны. СПб., 1996. С.176.

¹² Там же. С. 180.

¹³ Провозвестие Рамакришны. СПб., 1914. С. 105.

данной традиции на высочайшем моральном и духовном уровне и тем самым вернул древнейшим тантрам их первоначальную чистоту. Он доказал, что система тантр деградировала не потому, что она порочна сама по себе, а в силу порочности ее последователей, не удержавшихся на высоком уровне самоконтроля и нравственности. В результате прохождения этого пути Рамакришна испытал движение Кундалини Шакти (космической энергии, находящейся в статическом виде в теле человека) — цель тантрической духовной дисциплины¹⁴.

«Проявление Шакти различается в различных видах деятельности, поскольку законом является разнообразие, а не единообразие. Бог присутствует во всех созданиях — даже в муравье. Различия лишь в проявлении.

Моя Божественная Мать — единая Сущность, проявляющаяся как множество. В Своей безграничной силе Она разделилась на живые создания и вселенную со множеством энергий — физических, интеллектуальных, нравственных и духовных. И моя Божественная Мать — никто иной, как Брахман Веданты. Она — Личная сторона Безличного Брахмана»¹⁵.

ЕДИНСТВО РЕЛИГИЙ

«Как одну и ту же воду называют люди на разных языках по-разному, — одни «вуотер», другие «аква», третьи «джала», — так и одно Абсолютное Бытие — Сознание — Блаженство называется одними как Бог, другими как Аллах, третьими как Брахман»¹⁶.

Рамакришна воплотил в себе силу духовной гармонизации, провозгласив, что все существующие веры имеют одно устремление и одну цель — действенный союз с Богом. Он выделил всеобщий принцип духовной жизни, освободив веры от их теоретических доктрин, которые вместо истинного духовного усердия создают умственные конструкции, могущие прикоснуться лишь к осколку духовной жизни, но не способные проникнуть в ее глубинную реальность. Различия и разделения начинаются тогда, когда духовность пытаются понять, а не пережить и вместить. Духовная жизнь не только раздвигает границы нашего умственного плана, но и превосходит его и знакомит нас с нашей потенциальной божественностью.

Истинной функцией религии, говорил мудрец, является такое внутреннее постижение Бога, когда Высшая Реальность настолько становится частью человека, что вся его сущность и деятельность насквозь проникнута Божественным.

Религии для Рамакришны — это различные языки, и он был первым, имевшим мужество сказать, что с каждым мы должны говорить на его собственном языке. *«Человек должен научиться понимать душу другого».*

Это было собственным открытием Рамакришны. Никто в Индии до тех пор не был тантриком, адвайтистом, христианином и мусульманином по очереди.

Все религии истинны, потому что каждая есть определенное проявление во времени и пространстве Всеобщего и Вечного Брахмана. Бог проявляет Себя, воплощаясь много раз, и разные религии являются результатом этих воплощений.

Эти воззрения Рамакришны имеют метафизическую основу в Упанишадах, где Высшая Реальность — Одно в сущности и множественное в проявлении.

Пропустив через собственное сердце лучи всех основных религий, Рамакришна в каждой из них осознавал один и тот же божественный принцип, одно и то же Сознание, находящееся неизменно за всеми феноменами преходящей жизни.

«Различные верования есть лишь различные способы достичь Всемогущего. Различны способы достичь храма Кали — одни приезжают сюда в лодках, другие в телегах, кто-то приходит пешком. Подобно этому, разные люди достигают Бога, следуя различным верованиям»¹⁷.

Духовный опыт Рамакришны настолько откровенен и убедителен, что не вызывает сомнений даже у ревностных представителей разных конфессий, считающих свою религию «единственно истинной».

Вспомним хотя бы кульминацию постижения Рамакришной сути Христианства — с его слов было записано: однажды Рамакришна гулял по саду, погруженный в мысли о Сыне Божиим, страдающем ради человечества, как вдруг увидел очень привлекательного иностранца, в котором познал Христа... *«Иисус Христос, Великий Йог, Сын Божий...»* — произнес Рамакришна... Христос обнял

¹⁴ Ghanananda S. Shri Ramakrishna and his unique message. Calcutta, 1982.

¹⁵ Поучения Шри Рамакришны. СПб., 1996. С. 180.

¹⁶ Там же. С. 140.

¹⁷ Там же. С. 142.

¹⁸ Состояние транса (индусы называют его самадхи — сверхсознательное состояние) — это не какое-то аномальное психо-физиологическое перевозбуждение человека; это состояние такого ощущения Бытия, которое не допускает малейшей разделенности; поэтому в нем отходит всякое знание о теле и его потребностях, а также низшее сознание, которые сливаются в одно нерасчлененное целое. Но такое состояние достижимо только для необыкновенно чистых духом людей. Ученики Рамакришны свидетельствовали, что часто их Учитель, говоря о Боге, не мог закончить предложение — его сердце наполнялось такой немислимой любовью к Богу, что он, прерываясь на полуслове, входил в состояние самадхи, в котором его тело часами и днями оставалось абсолютно бесчувственным, и сам Рамакришна не подавал никаких знаков жизни, ибо его сознание было погружено в сверхсознание Абсолюта.

(Ghanananda S. Shri Ramakrishna and his unique message. Calcutta, 1982. P. 58—62; Провозвестие Рамакришны и др.)

Храм Дакшинешвар на берегу Ганги в Калькутте

его и слился с ним, и Рамакришна погрузился в глубокий транс¹⁸.

Один римско-католический священник сказал по этому поводу:

«Новые, беспрецедентные постижения Господа возможны и могут случаться в любое время; они могут раскрыть новые аспекты нашей веры, стать богатым источником вдохновения и поддержки для многих людей, хотя они и не меняют религии.»

Раскрытие Христа Рамакришне побуждает нас осознать, что система религиозного опыта, имеющаяся в распоряжении верующих разных конфессий, намного более обширна, более удивительна, чем мы обычно думаем: можно иметь религиозный опыт, который выходит за пределы того, что общепринятый ортодоксальный стандарт считает допустимым в данной традиции»¹⁹.

Можно сказать, что единство религий, проповедуемое Рамакришной, не есть какая-то эклектическая всеобщая религия, возникшая посредством соединения отличительных признаков (тео-

ретических и практических) различных религий. Это — целостность *ОПЫТА*, разворачиваемого в духовной истории человечества, *СИНТЕЗ* различных его лучей, представленных существующими религиями.

ПИСАНИЯ

Рамакришна не был книжным философом, его мудрость исходит из собственного духовного опыта, и тем не менее его мысли и афористические высказывания имеют свои истоки в неисчерпаемом колодце священных писаний Индуизма.

Среди них и Рамакришна и Вивекананда выделяли Бхагавадгиту как книгу Синтеза, потому что именно в ней подчеркивается необходимость соединения нравственного идеала с его действительным воплощением в жизнь.

Человек может осуществлять свое восхождение к Истине разными путями. Веданта называет их бхакти, гняна, карма и раджа (то есть: путь пре-

¹⁹ Clooney F.X. Ramakrishna and Christ. Studies on Shri Ramakrishna. Calcutta, 1988. P. 94—95.

данности и любви; знания; бескорыстного служения и психического контроля). Очень подробно о них писал в своих сочинениях Вивекананда. А Рамакришна говорил, что Любовь — Бхакти, сокровеннейшее слово бога Кришны. Оно открывает двери к познанию Бога. В этой любви — свобода. Для человека бхакти не нужно никаких ограничений закона, так как Бхакти сама есть высший закон миропроявления.

*Им, преклоняющимся в силу любви, постоянно
преданным,
Я посылаю мудрость, чрез нее они Меня
постигают.*

*Из сострадания пребывая в их собственной сути,
Я рассеиваю в них тьму, незнанием рожденную,
Сияющим светильником мудрости»²⁰.*

Сам Рамакришна в своей жизни соединил бхакти и гняна, показав своим собственным духовным опытом, что нет разницы между путем любви и знания.

В то же время Рамакришна совершает революционный шаг в индийской духовной традиции, провозгласив путь Служения равнозначным медитации. Служение получает новое значение — *Медитацией Бог постигается внутри, Служением — вовне.*

«Если в глиняном изваянии можно почитать Бога, тогда почему и не в человеке? Служение людям — это самая высокая форма почитания»²¹.

Это приводит нас вплотную к основе Веданты: она говорит о Силе, или божественном Сознании — Атмане. Вся существующая сила уже заключена внутри человека, нужно лишь обнаружить ее и выявить. Все, что мы можем обрести, вся свобода — уже в нас, такова идея Веданты. Нужны лишь вера и деятельное желание получить эту свободу. Это и есть суть Адвайтистской доктрины об Атмане — возможность, скрытая потенциально в каждом человеке, божественная Сущность, равно присутствующая во всех, лишь ожидающая своей реализации. А это значит, говорит Веданта, что даже в самом грешном, ничтожном человеке есть такая же сила, как, например, в Будде.

Ценность такой этической концепции очевидна, она постулирует равенство в его высшем аспекте — равенство Духа. Этим Адвайта дает новую интерпретацию морали. Ибо установление существования единого Атмана во всех душах объясняет требование, выдвигаемое каждой религией, — быть моральным и совершать добро. Но зачем это надо делать? Как отвечает Бхагавадгита, тот, кто видит каждого в себе и себя постигает в

каждом, осознавая таким образом одного Бога, живущего во всех и во всем, такой человек никогда больше не будет уничтожать Себя Самим Собой. Ибо, причинив вред кому-то другому, человек наносит вред самому себе. И еще — эта идея дает большую внутреннюю силу. Все грехи и все человеческое зло исходит из одного источника — из слабости. Именно слабость заставляет человека обижать другого, вести себя не так, как ему присуще на самом деле. Человек, осознавший свою истинную природу, реализует истину древнего ведического изречения «То Ты Еси». Какая мощь исходит из осознания силы этой мысли!

Чем утонченнее мысль, тем мощнее она становится. Устремленная сила мысли способна положительно действовать даже на расстоянии, ибо Разум един во множестве разумов. Вивекананда говорил, что прямая линия, проведенная в бесконечность, превращается в круг. Поиски Бога приходят обратно к самому «Я» человека. *«Я сам емь вся мистерия, Бог; — Я и тело и низшее “я”, и Я же Владыка вселенной»²².* Из понимания этого всеединства может произрасти всеобъемлющая духовная сила. Поэтому в Упанишадах сила стоит даже выше истины²³. Только сильный духом способен побороть в себе низкую природу и стремиться к достижению святости. Это и есть цель человеческого существования. Поэтому Вивекананда определил направление своих проповедей несколькими словами: *«Я проповедую только Упанишады. Я никогда не цитировал ничего, кроме Упанишад. А из Упанишад только одну единственную мысль — силу. Квинтэссенция Вед и Веданты и всего содержится в одном этом слове...»²⁴*

Величайшая заслуга Вивекананды состоит в том, что он связал воедино положения древнейшей философии с практикой и вывел ее на социальный уровень. Его проповеди и деятельность всколыхнули весь индийский народ и заставили задуматься над истинным смыслом бытия множество западных умов. Немалое количество людей Запада становилось его верными друзьями и искренними последователями. Вивекананда положил основание духовной общине «Миссия Рамакришны», лозунгом которой стали Чистота, Знание, Любовь и Служение всему человечеству. И когда 9.12.1898 года начал официально существовать орден Рамакришны в Белуре (близ Калькутты), Вивекананда провозгласил:

«Это будет центр, где будет изучаться и проводиться в жизнь Великая Гармония всех вер, в лучах примера жизни Шри Рамакришны, и религия,

²⁰ Бхагавадгита. Пер. Б.Л. Смирнова. СПб., 1994. Гл. 10.10-11.

²¹ *Lokeswarananda S. Studies on Sri Ramakrishna. RMIС 1988. P. XXVII.*

²² *Nivedita. The Master as I saw Him. Calcutta, 1972. Приложение.*

²³ *Eight Upanishads. With the Commentary of Shankaracharya. Transl. into English by S.Gambhirananda. (Isha, Kena, Katha, Taitiriya, Aitareya, Mundaka, Mandukya, Prashna). Calcutta, 1989. Брихадараньяка Упан. 5.14.4.*

²⁴ *Nivedita. The Master as I saw Him. Calcutta, 1972. P.196.*

во всех ее аспектах — Единая, Очищенная, Пламенная, — будет сиять. И из этого центра лучами будут расходиться идеи Единства, добра, мира и гармонии — по всему миру, по всему миру»²⁵.

* * *

Поле единого, разумного Сознания, которое иерархически упорядочивает разворачивающуюся систему феноменального мира явлений, осознает Себя посредством Своей конкретизации — индивидуального человеческого духа. Поэтому Упанишады говорят об Атмане как о Зрящем, или вечном Свидетеле. Как понимать эту конкретизацию?

О том, что существует вне мира явлений, невозможно говорить языком, ограниченным рамками пространства, времени и причинности. Поэтому необходима конкретизация, наиболее полно воплощающая образ неизреченного. Понятно, что в силу особенностей исторических эпох и духовного уровня людей эта конкретизация не может быть воплощаема в одной-единственной форме. Это противоречило бы идее о живом, гибком, пульсирующем поле сознания, реагирующем на изменения микро- и макрокосмических уровней бытия вселенной. Поэтому существуют святыя писания различных религий, выражающие многогранность единой Истины, и те люди, которые своим жизненным подвигом и духовным опытом являют человечеству доказательство истинности идей, содержащихся в святыя писаниях, и возможность и необходимость их действительного применения и воплощения в жизнь.

Приход и деятельность этих подвижников жизненно важны для народа или страны, ибо они являются выразителями ее наивысших возможностей и духовных чаяний. Хотя бы на короткое время они становятся тем духовным светом, к ко-

торому тянутся устремленные к истине души. Способность принятия духовного водительства есть очень важная черта народа. Она является определяющим фактором развития духовного, культурного и научного потенциала народа.

Итак, истина Единства сущего в форме всепронизывающей единой силы — энергии Матери, тождественной в своем высшем аспекте безличному Абсолюту — Брахману, является основой философии, которую проповедовали Рамакришна и Вивекананда. Сущность их учения заключалась в проявлении уважения к каждой личности и ее свободе. Вивекананда говорил, что до тех пор, пока в мире будут рождаться люди разной природы, в разных условиях, одна и та же истина будет проявляться в разных формах, и осознание этого приведет к пониманию и уважению друг друга. Именно это различие при правильном подходе создаст то единство и ту гармонию, которая лежит в основе нашего творения, ибо человек — микрокосм суть ничто иное, как маленькая модель макрокосмоса, и сквозь множественность и все различия мы должны научиться видеть сияющее ядро Единства.

Всю жизнь Вивекананда стремился постигнуть идею Единства, и в 1890 году, удалившись в Гималаи для созерцания Истины, он осуществил познание этой идеи:

«В начале было слово. Микрокосм и макрокосм построены по одному плану. Так же, как индивидуальная душа заключена в человеческое тело, так же Универсальная Душа заключена в природе. Кали держит в объятиях Шиву. Это не фантазия. Это сокровище духа в природе подобно отношению между идеей и словом, способом выражения ее. Дух, абстрактная идея может проявиться лишь через многообразие природных форм. Мысль невозможна без слов, выражающих ее. Вот почему в начале было слово...»²⁶

²⁵ Никхилананда С. Свами Вивекананда. СПб., 1991. С.41.

²⁶ Там же. С. 12.